

ОДИН ИЗ САМЫХ ОЖИДАЕМЫХ ТРИЛЛЕРОВ 2023 ГОДА

ШЕННОН КИРК

ДЕЛО «ТЕНКИЛЛ»

АДВОКАТ
ВЕДЕТ РАССЛЕДОВАНИЕ

НОВЫЙ
МИРОВОЙ
ТРИЛЛЕР

Шеннон Кирк

Дело «Тенкилл»

Серия «Новый мировой триллер»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69955702

ISBN 978-5-17-155848-2

Аннотация

Готовы ли вы бросить успешную карьеру ради невыполнимой миссии?

Грета, преуспевающий юрист, работает в международной юридической фирме. Жизнь складывается успешно до тех пор, пока стажер случайно не обнаруживает документы, доказывающие использования преступных схем одним из старших партнеров фирмы.

Как заместитель главного юрисконсульта фирмы, Грета начинает секретное внутреннее расследование в отношении собственной юридической компании. Но руководство узнает об этом, и она вынуждена бежать.

Она заручается поддержкой друзей и экспертов, которые помогают ей разобраться в горах данных, подтверждающих преступления в ее фирме. Стремление команды получить больше улик приводит ее к захватывающим погоням по Бостону... и к огромной больнице – Тенкилл, вокруг которой сходятся все нити расследования.

Преступники готовы на все, чтобы остановить Грету и сохранить в тайне то, что она стремится узнать. Ставки слишком высоки, чтобы сдать.

Сможет ли она раскрыть их секреты вовремя, чтобы спастись самой?

Содержание

Посвящение	7
Несколько примечаний для читателей	8
Часть I,	12
Глава первая	12
Глава вторая	24
Глава третья	30
Глава четвёртая	43
Глава пятая	79
Глава шестая	81
Глава седьмая	93
Часть II,	103
Глава восьмая	103
Глава девятая	119
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Шеннон Кирк Дело «Тенкилл»

Shannon Kirk
TENKILL

**НОВЫЙ
МИРОВОЙ
ТРИЛЛЕР**

Серия «Новый мировой триллер»
Печатается с разрешения Polis Books
и литературного агентства Andrew Nurnberg
Перевод с английского *Александры Смирновой*

Оформление обложки *Александра Воробьева*

Copyrights © 2023 by Shannon Kirk

© Смирнова А., перевод, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Посвящение

Лицам, ищущим убежища. Американскому союзу защиты гражданских свобод. Адвокатам, представляющим права лиц, ищущих убежища.

И нашему любимому Марти Фоли, который умер от коронавируса 11 декабря 2020 года. Марти умел рассказывать потрясающие истории, создавать невероятные скульптуры и картины. Он слишком рано покинул эту галактику. Я надеюсь, что он и в раю устраивает такие дикие вечеринки со своими крылатыми друзьями и сплетает такие фантастические узоры, что даже инопланетяне, пролетая мимо этого измерения, приходят в восторг. Ещё я надеюсь, он встретился с Микеланджело и как следует обсудил с ним разновидности резцов и мрамора.

Несколько примечаний для читателей

ВРЕМЯ

Большая часть этой истории происходит в 2020 году и позже, но я изображаю мир, в котором никогда не было пандемии коронавируса. Не потому что я такая бесчувственная, а потому что эта история требует современных технологий, а героям необходимо работать в офисных зданиях и без ограничений пересекать границы штатов. Прошу прощения за такие авторские вольности.

МЕСТО

Места, упомянутые в этом романе, отчасти реальны, а отчасти вымышлены. Так что если вы знаете Милк-стрит в Бостоне, вы можете всерьёз задуматься, что там за здание номер такой-то и где от него проходит надземный мост к другому зданию, и попадёте на мою удочку.

РЕПРОДУКТИВНЫЕ ПРАВА

С тех пор как я начала работу над этой книгой, многое изменилось. В том числе было принято катастрофическое решение Доббса об отмене федерального права на аборт, которое может привести к большой трагедии и смерти множества людей. Как писательнице мне очень важно высказаться по этому вопросу. Кроме того, читателю придётся смириться, если кто-то из моих героинь сделает аборт. Неважно, когда и почему, потому что это никого не касается, и это не меняет того, кто такая эта героиня и что делает в определённой истории. Это не имеет значения, а может быть, и имеет. Но вообще данная конкретная книга – о политической коррупции, которая позволяет конкретным лицам получать прибыль. В этом и мотивы Доббса.

ОТКАЗ ОТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Это художественное произведение, написанное в развлекательных целях, и, следовательно, оно никак не может быть авторитетом в отношении вопросов коррупции. Если вы хотите серьёзных книг на эту тему, пожалуйста, обратитесь к гораздо более достойным источникам, некоторые из которых я отмечаю в благодарственном слове. Это юридиче-

ский триллер, не основанный на реальных событиях. Читатель должен понять, что я взяла на себя смелость использовать в своих целях фактические юридические процедуры, правила и прецедентное право. Ничто здесь не отражает моего мнения по юридическим вопросам.

ЛЮБИТЕЛЯМ ЖИВОТНЫХ

Среди множества персонажей этого романа есть пёс и кот. Не беспокойтесь, с ними ничего плохого не случится. Что касается людей, здесь я ничего не гарантирую.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ О НАСИЛИИ

Обратите внимание, что в этой книге упоминается насилие с применением огнестрельного оружия.

*«Наши системы юридического образования, лицензирования адвокатов, судебного надзора и равноправных отношений просто недостаточно хороши, чтобы защитить юристов от такого оружия. Нам нужно работать лучше. Ничто не исправит наших ошибок. Но я бы начал с необходимости специально обучать студентов-юристов **отстаивать свою позицию**, когда от них или от кого-то другого требуют совершить поступок, подрывающий этику*

или демократию (подчёркиваю)».

Мэтью Сигал,

*директор юридической службы Американского союза защиты
гражданских свобод,*

29 декабря 2020 г.

*Сигал играет главную роль в документальном фильме «How
to Fix a Drug Scandal»*

(«Как исправить скандал с наркотиками»).

Часть I, В которой я пытаюсь объяснить, почему я в бегах

Глава первая

Я смотрю с крытой веранды на море белых цветов, «кружев королевы Анны», и порхающих над их головками оранжевых монархов. В Массачусетсе август. Стоя здесь в спортивном костюме, я потягиваю шоколадный кофе, горячий и сладкий, с пенкой свежайшего молока. Тёплый ветерок, безмятежная обстановка, и на душе у меня должно быть спокойно, но ничего подобного. Этот великолепный, несколько потусторонний, пейзаж составляет резкий диссонанс с тем, что у меня внутри. Я здесь прячусь. И ненадолго, потому что скоро снова нужно будет бежать.

Я юрист с одиннадцатилетним стажем, и моя третья компания, крупнейший международный правовой центр, называется «Котон & Коверкот», или «КоКо», как называет её юридический блог «Выше закона», а также все студенты юридического факультета Лиги плюща, которые каждый год устраивают в коллизиях связей, родословных и оценок смертельные бои за право получить вакансию летнего стажёра.

Это такое безумие. Стажёры-мажоры, избалованные VIP-ложами на бейсбольных стадионах, обедами в особняках на берегу океана и коктейльными вечеринками на яхтах Хинкли¹, готовы на всё, лишь бы восемьдесят, а то и сто часов в неделю просматривать документы для меня, помощника главного юрисконсульта.

Я их не виню – соблазн денег непреодолим, и мне хорошо говорить, когда я уже всем этим пресытилась. Но правда остаётся правдой: в обмен на ваше время получая неприличную зарплату и постоянно находясь в зале из хрома и стекла, битком набитом произведениями искусства, вы начинаете чувствовать себя кем-то особенным, кем-то неуязвимым, вы будто находитесь на своей собственной крутой планете. Всё это – строгие интерьеры, металл и гранёное стекло, стены, облицованные белыми эмалированными панелями, и полнейшая стерильность – как нельзя лучше подошло бы к моему нынешнему мироощущению, но сейчас я прячусь тут, среди безмятежного моря наивных расцветок и трепещущей жизни. Фиолетовая стрекоза приземляется на грубо сплетённое кресло, я смотрю на неё, она – на меня. Её крылья – полупрозрачные, зелёные с розовыми прожилками. Полная противоположность белых стен в залах компании «Котон & Коверкот».

¹ «Хинкли Яхтс» – компания, основанная в 1928 году, которая производит элитные парусные и моторные лодки по индивидуальным параметрам в соответствии с требованиями заказчика.

Три дня назад я запрограммировала автоответчик для своей фирменной электронной почты. Типичное объяснение человека в отпуске, который не может регулярно проверять ни электронную почту, ни голосовую. Не сомневаюсь, что партнёры и коллеги, получившие это сообщение, продолжают отправлять мне ответы, которые начинаются со слов: «Грета, извините за беспокойство. Я понимаю, что вы в отпуске, но...» Наверняка я знать не могу, потому что свой фирменный айфон я оставила в своём пентхаусе в Бостоне, поскольку фирменное программное обеспечение отслеживает GPS с точностью авиаудара. Мне ли этого не знать. Именно я внедрила расширенную программу управления информационной безопасностью «КоКо» на мобильных устройствах. Я имела в виду оборонительную безопасность. Я не знала, что они будут использовать её для наступательного шпионажа.

Они наверняка уже что-то заподозрили. Находясь в настоящем, *нормальном* отпуске, я всегда, как и все юристы «КоКо», отвечаю на электронные письма в течение часа, в чём бы ни заключался вопрос в них. За эти три дня я не ответила ни на одно. И я не буду пользоваться своим личным айфоном, привязанным к анонимной подставной компании, которую я создала месяц назад, чтобы войти в веб-почту моей фирмы, потому что входы в систему по этим IP-адресам они тоже отслеживают. Я никому не говорила, куда еду в «отпуск». И уж точно не говорила, что скопировала электрон-

ные письма другого партнера и скрываюсь от своей же фирмы.

Как всё это началось? Я думаю об этом, глядя на чёрно-оранжевых бабочек, порхающих передо мной в каком-то немислимом количестве. Это всё настоящий сюр. Обстоятельства, по которым я оказалась здесь, среди бешеного буйства природы сельской местности Массачусетса, не образны вообще ни с чем, и я, должна признаться, ошарашена. Мне нужно время, чтобы сосредоточиться, восстановить концентрацию, переждать бурю – тем более что, вынуждена признать, буря только начинается и в дальнейшем у меня не будет права на ошибку. Но многое уже успело произойти.

Всё началось с одного из летних стажёров, одной из тех несчастных испорченных душ, который ударил камнем о камень и высек искру подозрений в фирменной коррупции, с прошлого года беспокоивших и меня. Этот парнишка, белобрысый Брэд, полтора месяца назад явился в мой кабинет из стекла и хрома, расположенный в восьмом секторе так называемого «караульного этажа» Пруденшл-билдинг (от нумерации этажей «КоКо» отказывается). Я отметила, как этот Брэд двадцати пяти лет от роду скользит глазами по моему бейджику с именем ГРЕТА ВИНЕТ СЕВИЛЛ.

Убедившись, что я действительно тот самый партнёр, к которому его направили, Летний Брэд вошёл в мой кабинет. Я заметила, как он сканирует взглядом окна от пола до потолка, выходящие на Фенуэй и извилистую чёрную ленту ре-

ки Чарльз, битком забитую судами. Я поправила наше фото с Генри, моим коллегой по бывшей фирме, и ещё одно фото, где мы с братом Тоби и тётёй Вайолет незадолго до того, как она исчезла. Эти фотографии в рамках – единственное, что когда бы то ни было стояло у меня на столе и вообще где угодно.

– Здравствуйте, я Брэд, – сказал Летний Брэд надтреснутым голосом, продолжая бегать глазами по моему кабинету и стесняясь смотреть непосредственно на меня, и уселся в чёрное с хромированным покрытием кресло для посетителей.

– Я знаю. Мы с вами переписывались, – ответила я шутливо, улыбаясь и всей душой желая растопить лёд и снять его напряжение, но это не помогло. – Приятно познакомиться с вами лично, Брэд. Надеюсь, лето в «КоКо» вам понравится. Третий курс юридического факультета – это очень волнительно, но вместе с тем он самый лёгкий. – Я изо всех сил старалась быть милой в надежде, что он расслабится.

– А-а, да. Да, – сказал он быстро и нервно. – Так вот, я прислал вам файл в PDF и ...

– Да, он открыт у меня на компьютере. Давайте вместе посмотрим.

Летний Брэд терпеливо ждал, что я скажу, пока я просматривала его папку с «ключевыми» документами. «Ключевые» означает, что они были очень актуальны для дела, которое мы защищали для торговой ассоциации. Брэд и другие сотрудники обнаружили эти «ключевые» до-

кументы посреди океана других документов нашего клиента – больше трёх миллионов. Команде пришлось как следует поработать с помощью модернизированных программных платформ, которые носят футуристические названия CaseSpaceAI и CaseCore, но на самом деле это всего лишь хорошие платформы, помогающие более эффективно организовывать клиентские документы.

Ведущий партнёр, который занимается отношениями с клиентами, выбрал меня в качестве ведущего специалиста по электронному обнаружению. Моя работа, как всегда, состоит в том, чтобы проводить со трудников через «непрерывное активное обучение с использованием технологий» при просмотре документов. Звучит устрашающе, но концепция довольно проста. Если вы знаете, как работают Pandora или Spotify, как эти музыкальные приложения «учатся» на том, что слушатель поднимает и опускает большой палец на каждой песне, а потом подбирают песни, похожие на то, что ему нравится, то вы поймёте и эту технологию. По сути, младший сотрудник, отмечающий документ как имеющий отношение к данному делу, мало чем отличается от Pandora. Чем больше нужных документов он отмечает, тем больше их находит технология, и вот как это работает.

Очевидно, это эффективный способ просмотреть три миллиона документов, что Брэд и его соратники этим летом и проделали с документами конкретной торговой ассоциации. Гораздо эффективнее, чем просматривать три миллио-

на документов один за другим в произвольном порядке. Но, конечно, и сложнее, однако же благодаря этому у меня и есть работа.

Из всей команды ребяташек, проводивших проверку документов, вместе со мной просмотреть ключевые документы вызвался вот этот вот Летний Брэд. Я задалась вопросом, уж не думал ли он, что мы будем обсуждать такие вопросы онлайн, потому что, оказавшись в моём реальном офисе, он ёрзал в кресле и бормотал что-то неразборчивое по поводу каждого документа. Я сквозь зубы бормотала «хмм», надеясь, что он как-нибудь поймёт намёк и отстанет, дав мне спокойно почитать, но в конце концов встала и, цокая трёхдюймовыми каблуками, подошла к окну и опустила штору, поскольку в полдень в безоблачный день рикошетные блики моих прогрессивных очков «кошачий глаз» меня просто убивают. Брэд вздрогнул, потеряв вид на Фенуэй, от которого у него, как я уже успела заметить, текла слюна. Судя по всему, он страстно желал покинуть мой холодный кабинет и отправиться в какую-нибудь летнюю поездку, пусть даже рабочую.

Я нажала ключевой документ № 10. Шрифт был крошечным, поэтому я сняла прогрессивные очки и надела другие, для чтения.

– Ой-ой, подождите, – вдруг забормотал он, наклонившись над моим пустым столом и наблюдая, как я быстро читаю электронное письмо. Я была на второй странице из трёх

и не понимала, почему это письмо было помечено как ключевое. Оно выглядело как совершенно неуместная заметка сотрудника торговой ассоциации о годовых бюджетах, не имевшая ничего общего с рассматриваемым делом, для защиты которого нас наняли. То, как Брэд, сидя в кресле для посетителей, смог прочесть то, что читала я, объясняется тем фактом, что у двадцатипятилетних юристов, даже подающих надежды, глазные яблоки пока ещё тоже подают надежды. Ну а я в своих очках для чтения как следует прищурилась и увеличила шрифт.

– Это, гмм ... это ошибка. Я его помню. Мне показалось, я его пометил как не имеющий отношения, – забормотал Брэд. – Простите. Простите, я не хотел. Простите.

Тем не менее я продолжила читать, потому что моё внимание привлекла строка в электронной табличке на третьей странице. Шрифт был самым мелким, какой только можно представить, и к тому же эта таблица была откуда-то вырезана и вставлена, отчего буквы стали зернистыми, а ячейки смазались, но я изо всех сил напряглась и всё-таки разглядела то, что пыталась разглядеть. В верхней строке было указано, что данные относятся к 2014 году. Возможно, это меня и привлекло. Зачем вставлять в новое электронное письмо данные семилетней давности о текущих бюджетах? Я уменьшила увеличение, притворившись, что не увидела в этой крошечной полустроке, затерянной в размытых и размазанных таблицах, ничего имеющего значения. Но это име-

ло значение, потому что там было написано «Т. Ханиуэлл, сметная ежемесячная стоимость – **80 000\$**».

И для меня, с учётом того, что я знала и подозревала, эта строчка стала розовым неоновым рекламным щитом посреди выжженной пустыни.

«Т. Ханиуэлл,

сметная ежемесячная стоимость – 80 000\$».

Размытый и нечёткий шрифт резко стал полужирным, размера двадцать шесть.

– Значит, это ошибка, Брэд? Вы не хотели отметить это письмо?

Он ссутулился, его бледная физиономия покраснела.

– Хммм, да. Ага. Уфф. Простите, – промямлил он.

Его волнение по причине того, что он ошибся, раскрасневшееся лицо, капли пота над рыжеватыми бровями, ссутуленная спина и постоянное хмыканье сказали мне, что он понятия не имеет о ценности документа. Брэд был прав, это не имело отношения к рассматриваемому делу. Но ссылка на любой платеж, любая ссылка на «Т. Ханиуэлл» вообще, в документах этой конкретной торговой ассоциации – торговой ассоциации, представленной фирме партнёром ...

Больше всего меня беспокоили мои подтверждённые по-

дозрения и предупреждения, которые я получила. Если совсем просто, заказчиком была группа частных правоохранительных органов: частные коммерческие тюрьмы, наёмная охрана, частная охрана, частные расследования. Я была обеспокоена тем, что партнёр, ответственный за этого клиента, Рэймонд Ханиуэлл, был замешан в незаконной схеме финансирования кампании, связанной с частными тюрьмами повсюду, но особенно на границе с Техасом. Той кампании, что запирала детей беженцев в морозильных камерах после того, как правительство США ввело политику нулевой терпимости, чтобы оторвать этих детей от их родителей. Основываясь на том, что я узнала в этом году, я выстроила теорию, что наш новый партнёр в прошлом выступал под псевдонимом Теодор Ханиуэлл, чтобы скрыть свою причастность к схеме жертвований в тюрьму и откатов.

Если честно, единственная причина, по которой я согласилась стать ведущим специалистом по электронному раскрытию информации в этом деле, заключалась в том, что мне очень хотелось доказать свою теорию. Я знала, что есть ещё аргументы. У меня были веские основания подозревать большее. Но сложность заключалась в поиске доказательств, которые Ханиуэлл и другие не смогли бы отрицать. И одному Богу известно, что ещё я могла бы выяснить.

– Все в порядке, Брэд. Не беспокойтесь, – сказала я, призвав на помощь всё своё хладнокровие, чтобы казаться бесстрашной. Ничего не выдать. Я надеялась, что он не заметит,

как сильно я сжала ноги, чтобы не забарабанить пятками по полу.

– Ладно. Ладно. Это ... уфффф. Можно, я как бы, хмм ... выйду? Через час будет, э-э, летний матч «Ред Сокс»², и я, э-э, хотел выпить с коллегой пива ...

Я сразу поняла, что в конце лета Брэду не предложат вакансии в компании «Котон & Коверкот». Бедняжка был слишком откровенным, чтобы попасть куда-то получше Гарвардского «Юридического обозрения», он был типичным, слишком типичным стажёром. Если бы он каким-то чудом и получил эту вакансию, я, может быть, могла бы скрыть его от глаз менее снисходительных партнеров и набраться терпения, чтобы как следует над ним поработать. Я научила бы его по крайней мере не отпрашиваться посреди обсуждения дела, чтобы попить пива и посмотреть бейсбольный матч. Научила бы никогда не падать духом и не излучать ничего, кроме абсолютной уверенности, если он хочет работать в группе «КоКо», которая занимается судебными разбирательствами с высокими ставками. Но у Брэда не было ни актёрских способностей, ни врождённого инстинкта безупречно и невозмутимо играть свою роль. У него не было даже здравого смысла, чтобы придумать что-то получше, чем намерение выпить пива, и это означало, что в «КоКо» он не выживет. Что касается ошибки в ключевом документе, так происходило постоянно. Но дело в том, что Брэд не понял

² Бейсбольная команда Бостона.

самого главного – он был прав. Это было и осталось ключевым. Настолько ключевым, что подтолкнуло меня сделать то, что я в конечном итоге сделала.

Бог ты мой, что же я сделала?

Глава вторая

Когда адвокаты пишут ходатайства – ещё их называют прошениями, они, как правило, хотят что-то получить от судьи. Есть ходатайства о принуждении, в которых вы просите потребовать от противной стороны предоставить вам документы или другие доказательства. Есть ходатайства о вынесении решения в порядке упрощённого производства, в которых вы просите принять решение о том, что вы выиграли дело, потому что факты и закон настолько в вашу пользу, что вам не требуется показываться перед судом присяжных. Это только два примера. Между ходатайством о принуждении и ходатайством об упрощённом судебном разбирательстве существует множество так называемых раскрытий, когда стороны судебного разбирательства обмениваются документами, данными ...

любой информацией, которая, по их мнению, подкрепит их требования или защиту. И вот чем занимаюсь я: открытием электронных данных. Собирать документы, просматривать миллионы документов, чтобы найти то, что запрашивает другая сторона, – моя работа. Кроме того, я выполняю и другие задачи, исходя из потребностей клиента, в частности, занимаюсь компьютерной криминалистикой или защитой клиентов от взлома данных хакером.

В этих ходатайствах, в самом их начале, почти всегда есть

раздел «Факты». В этой части судье сообщаются факты, подтверждающие, почему вы просите суд заставить другую сторону что-то сделать, или что-то остановить, или каким-то образом вынести решение в вашу пользу. Так вот какие факты могу привести я после того, как Летний Брэд сбросил на меня свою вонючую бомбу в виде Ключевого документа № 10 полтора месяца назад.

ХОДАТАЙСТВО, ОБЪЯСНЯЮЩЕЕ,

ПОЧЕМУ Я В БЕГАХ

ФАКТЫ

С позволения Суда, представленные факты таковы:

1) Примерно 3 мая 2011 года Грета Винет Севилл перешла в свою вторую юридическую фирму «Стоукс & Крейн» в качестве младшего юриста. Она проработала там восемь лет, до 14 мая 2019 года, когда стала партнёром юридической фирмы «Котон & Коверкот».

2) До 1 июня 2020 года, когда он ушел в отставку, Рэймонд Ханиуэлл был Генеральным прокурором США при тогдашнем президенте Хьюберте М. Дэвисе II.

3) Примерно 3 июня 2020 года Рэймонд Ханиуэлл присоединился к юридической фирме «Котон & Коверкот» в ка-

честве партнера бостонского офиса.

Учитывая широко известные противоречия администрации Дэвиса и роль Ханиуэлла в содействии широко критикуемым действиям администрации Дэвиса, заявитель ходатайства, Грета Винет Севилл высказала свое возражение управляющему партнёру «Котон & Коверкот» в электронном письме следующим образом:

Кому: Тим Котон

От: Грета Винет Севилл

Дата: 5 июня 2020 г.

Тема: Рэймонд Ханиуэлл

Тим, это неприемлемо. Я понимаю, что работаю в фирме всего год, но позвольте мне прояснить: я не соглашусь работать над какими-либо делами совместно с Ханиуэллом. Многие мои коллеги также этим расстроены. Фирма должна пересмотреть данное решение, принятое, как я хотела бы отметить, без согласия большинства и, следовательно, нарушающего контракт. Если бы я знала, что «КоКо» собирается сотрудничать с Ханиуэллом после того, как он покинул пост генерального прокурора, я бы никогда не ушла из «Стоукс & Крейн». Тим, как вы объясните такое решение, когда мы взялись за несколько дел о предоставлении убежища на безвозмездной основе? Чем оправдываете такое лицемерие? Грета.

Управляющий партнёр ответил следующее:

Кому: Грета Винет Севилл

От: Тим Коттон

Дата: 5 июня 2020 г.

Ответ на: Рэймонд Ханиуэлл

Грета, вам следует быть осторожнее с клеветой на другого адвоката. Ханиуэлл – уважаемый адвокат с большими связями с клиентами и двадцатидевятилетней практикой за плечами. Обвинения в отношении администрации Дэвиса – это всего лишь утверждения.

Ханиуэлл имеет право защищать себя. Я не вижу конфликта между ним и нашими делами о предоставлении убежища на безвозмездной основе.

Мисс Севилл ответила следующим образом:

Кому: Тим Коттон

От: Грета Винет Севилл

Дата: 5 июня 2020 г.

Тема: Рэймонд Ханиуэлл

*Тим, они **сажали детей**. В определённый период. И это даже ещё не самое страшное. Они творили дела и похуже. Не будем делать вид, что это не так. Я согласна, что Рэймонд Ханувелл имеет право защищать себя. В случае, если кто-либо из нынешней администрации действительно*

предпримет необходимые шаги для расследования, обвинения и судебного преследования. Но как мы убеждаемся снова и снова, люди, наделённые властью, редко предстают перед правосудием. Их раз за разом прощают, и они получают высокие посты, как и Ханиуэлл. Вы прекрасно знаете весь жуткий список того, в чём их с Дэвисом справедливо обвиняют, поэтому я не буду его здесь повторять. Я отмечаю, что вы, очевидно, уже приняли решение, и я не хочу обсуждать это с вами в данный момент. Моя позиция ясна.

1. Среди многих известных разногласий с администрацией Дэвиса наиболее важными для этого предложения являются следующие:

а) 1 мая 2019 года генеральный прокурор Ханиуэлл приказал частной милиции, нанятой Белым домом, применить слезоточивый газ к журналистам, которые собрались, чтобы задать вопросы президенту Дэвису. Позже Ханиуэлл заявил, что, по его мнению, кто-то из участников схватки выкрикнул «Атака», но ни одна из 152 видеозаписей этого события не подтверждает этого заявления.

б) 14 марта 2020 г. газета «Нью-Йорк Таймс» сообщила, что компания Ханиуэлла разработала директиву о немедленном разделении и отдельном судебном преследовании семей, пересекающих границу Техаса со стороны Мексики, независимо от того, насколько маленькими были дети. Даже если, как указывалось в директиве, ребёнок находился «на грудном вскармливании». В соответствии с директивой де-

ти должны были быть помещены в одну из частных тюрем администрации.

Позвольте мне повторить последний факт: *в соответствии с директивой Ханиуэлла дети должны были быть заключены в частную тюрьму администрации. Ту самую частную тюрьму что является членом торговой ассоциации клиента, среди документов которой Летний Брэд нашёл ключевой документ № 10, в котором указаны ежемесячные платежи Т. Ханиуэлла по меньшей мере семилетней давности.* Потребовалась бы глобальная работа, чтобы лишить все остальные факты эмоций, цветов, звуков и внутренних мыслей, которые на первый взгляд к делу не относятся и которые суду вообще не интересны.

Когда я начинаю думать об этих дополнительных фактах, меня прерывает голос единственного в этом заповеднике бабочек-монархов человека, напевающего свою любимую песню: «Прощай, Голливуд» Эминема. Этот голос ветер разносит на два акра.

Глава третья

Я закрываю глаза, спрятанные за авиаторами, выписанными по сложному оптометрическому рецепту – они не такие навороченные и предназначены только для дали, и стараюсь сосредоточиться на шуме ветра, на том, как он поёт в алюминиевых трубках и ракушках колокольчиков, свисающих с крыши над крыльцом. Я не хочу думать обо всех них, о виновниках, сговорщиках, об их преступлении – возможно, о преступлениях, во множественном числе, – а хочу лишь спокойно насладиться горячим кофе.

Ставлю мысли на паузу.

Ведь кто я теперь?

Неужели я закончу как тётя Вайолет, пропавшая без вести? Или как мой любимый брат Тоби, живущий один в лесах Вермонта?

Единственный человек на многие мили закрывает дверь хозяйственной постройки позади поля цветов и бабочек. Она скоро вернется в коттедж.

Кто отказывается от блестящей карьеры и собственной фирмы ради невыполнимой миссии по свержению бывшего генерального прокурора?

Мне тридцать семь. Я должна была бы сидеть за пустым столом одного из тринадцати офисов «КоКо» – в Токио, Нью-Йорке, Гонконге, Лондоне, округе Колумбия, Южной

Каролине или самого нового, в Бостоне, где я сейчас в основном и работаю, хотя там тоже бываю редко. Большую часть года я путешествую. Всегда первым или бизнес-классом. Я должна была бы подписывать документы, составленные младшими сотрудниками. Или читать подшивку в формате PDF и готовиться к слушаниям в том федеральном окружном суде, в какой корпоративные клиенты фирмы захотят меня отправить, чтобы удовлетворить обременительный спрос на слишком большое количество гигабайт клиентских данных. Или устраивать в Сохо званый обед для женщин – партнёров по бизнесу, по цене сто долларов за блюдо, представляющее собой горсть вялых листьев и кусочек лосося толщиной в дюйм. Но я совсем в ином мире, я прячусь здесь с украденными электронными письмами, которые могли бы – если я права насчёт их содержания и если я смогу это повернуть – уничтожить Рэймонда Ханиуэлла, возможно, «Котон & Коверкот» и бог знает кого еще. Клиенты нашей фирмы – политики, глобальные корпорации, генеральные директора, влиятельные торговые ассоциации и даже целые государства.

Открываю глаза, жду, пока хозяйка дома поднимется на крыльцо коттеджа. Я слышу, как она что-то напевает, прибирая флигель. Она не заслуживает такого риска. Я очень перед ней виновата за то, что здесь нахожусь, потому что я знаю в глубине души, что куда бы я ни пошла, я тащу за собой опасность. Я перешла дорогу слишком многим.

Стайки монархов красными гирляндами выются над оранжевыми, белыми и зелёными полями за этим крыльцом; они чертят в воздухе узоры и пикируют вниз, а я наблюдаю за ними, думая и думая о своём недавнем прошлом и о своих следующих шагах. Горячая кружка кофе согревает руки, шоколад тает на языке. Кусты лаванды, обрамляющие крыльцо, источают резкий аромат. Неужели всё это наяву и я правда здесь, среди этих цветов, запахов, вкусов и страхов? Тёплый ветер гонит по участку лесные листья. И оттого, что в моей крови бушует адреналин, я слышу шорох каждого листа так отчётливо, будто волны переворачивают гальку на каменных пляжах океана. Вся эта безмятежность – лишь уловка. Моё тело знает правду. Пульс учащается, когда я думаю о том, что происходит сейчас, и о том, что ждёт меня в будущем. Я потягиваю шоколадный кофе, чтобы заглушить тревогу, заглушить тяжёлый часовой механизм в моей груди.

Монарх приземляется на край моей кружки. Я с ужасом думаю о том, что сейчас нахожусь именно тут и именно при таких обстоятельствах, пока он спокойно летит обратно к белым цветам. Да, я здесь. Я напоминаю себе, что я действительно здесь. Пусть даже вскоре мне предстоит покинуть это место, пока я здесь.

Как я сюда попала?

Одиннадцать лет назад партнёры в первой из трёх моих фирм поручили мне контракт с серьёзными нарушениями, чтобы я как следует наточила зубы. По большому счёту, не

имеет значения, о чём речь или что я добилась своего с помощью одних только состязательных бумаг – это означает, что нам не пришлось иметь дела ни с большими расходами, ни с неопределённостью решения суда присяжных. Мы выиграли досрочно, потому что факты и закон были на нашей стороне, я уже тогда отлично выполняла свою работу, а судье не хотелось, чтобы в зале суда хоть одну минуту пахло дерьмом адвоката противоположной стороны. По её не слишком утончённым гримасам я видела, что это тот тип людей, которым даёт силу магия чёрной мантии. Но, опять же, дело не в этом. Важно то, что моя клиентка требовала, чтобы наши встречи проходили на её территории в Западном Массачусетсе, которую она приобрела, в двадцать лет став сиротой.

Она решила поселиться в центре поля в пятьдесят акров, возле леса на обратной стороне лыжной горы. Она наняла местных плотников, чтобы они построили ей уютный коттедж, который она нарисовала, увидев во сне после пьянки на похоронах. И, учитывая ослепительно живую странность своего горестного сна, она воплотила в жизнь благоустройство территории вокруг коттеджа, потому что никак не могла выбросить этот образ из головы. Вокруг коттеджа она вырезала круг диаметром четыре акра, внутри круга проткнула восемь клиньев, расходившиеся от центра веером, и проложила между ними пешеходные дорожки, а всё остальное засадила пищевой единственных богов на этой земле: кружевом королевы Анны для бабочек-монархов. Четыре акра белых

цветов, между которыми можно пройти к трём флигелям по краям.

Я смотрю на эти флигели – в одном она работает в полдень, в другом в три часа – сейчас она, напевая, возится именно там, и, повернув голову, смотрю на третий, время которого придёт в восемь. В этом флигеле есть открытая летняя кухня, представляющая собой что-то вроде беседки-тоннеля, увитой ползучими трубчатыми лозами и обсаженной широкими растениями в горшках. Она доходит до ручья у подножия горы. Именно здесь, на территории моей первой клиентки, на её крыльце, я наблюдаю, как множество богов-монархов лакомятся её кружевными цветами. Именно здесь я прячусь, потому что она единственная душа, которой я доверяю и о которой никто не знает. Я никому о ней не говорила. Никогда. И тому есть причина. У того, что я делаю, всегда есть причина, и всё это связано с моим Определяющим Жизненным Событием: исчезновением тёти Вайолет. Это определило и жизнь моего брата Тоби.

Но Вайолет – это отдельная история, моя предыстория, моя изнаночная сторона.

Я должна изолировать эти мысли. Мне нужно сосредоточиться на плане, чтобы выбраться и доказать свою правоту.

Лена Атири – вот как зовут мою первую клиентку, и я смотрю, как она движется по одному из клиньев.

– Грета, торговец лошадьми говорит, что ураган будет во вторник, – говорит Лена, направляясь ко мне из трёхчасово-

го флигеля, который она называет «Офис». Она не позволяет мне выйти за пределы крытого крыльца, потому что боится спутников и шпионов, которые могут выследить меня с неба. Может быть, она параноик, может быть, она права.

Разгар августа, белые цветы – густые, обильные, пышные. Монархи порхают вокруг неё, на секунду или две приземляясь то на её оливковые руки, то на чёрные волосы, они окружают её живым оранжевым морем, едят, едят, вылупливаются, едят. На Лене сарафан цвета лайма, покрытый пятнами скипидара, потому что сегодня день реставрации, и значит, сегодня она в полуденном здании будет восстанавливать старую картину в стиле барокко. А послезавтра день писанины, и она будет в восьмичасовом флигеле или за столом для пикника в конце пристроенной летней кухни работать над очередной монографией по какой-то очень конкретной под-подтеме в рамках эпохи итальянского барокко. На следующий день, во вторник, ожидается ураган, во время которого она вернётся в полуденное здание, чтобы проверить, как сохнет картина её клиента, а я сбегу так, как мы с ней и задумали.

Она крутит в правой руке и подбрасывает в левой ладони нашу карту, нарисованную от руки. Её изогнутые серебряные браслеты, сделанные из старых велосипедных спиц, которые я купила ей в ремесленном магазине в Миннеаполисе несколько лет назад, звенят, пронзая ветер, соперничая с ним, дополняя его симфонию. Она богиня, и это её царство. Это её оркестр. Это её мир. Я не должна сюда лезть. Я

должна покинуть его сейчас, задолго до урагана. Я не могу ею рисковать.

– К тому же, Грета, я внесла изменения в карту. Надо их согласовать. Свари-ка ещё кофейку, – говорит она.

– Но тот план, что мы придумали, был отличным. Что с ним не так?

– Всё так, Дядюшка, кроме одного – он не идеален.

Она называет меня Дядюшкой. Я согласна на любые клички, какие она для меня придумывает, тем более теперь, когда она даёт мне эту передышку, эту паузу в своём убежище. Мне тридцать семь, ей тридцать шесть. Мы не лучшие подруги. Не приятельницы. Не любовницы – драм по части любви мне и так хватает из-за того Генри, фото которого стоит у меня на столе, ну или мне просто хочется считать их драмами. Не знаю, кто мы с Леной друг другу. Я бы никогда не сказала вслух такую глупость, но порой мне кажется, что мы что-то вроде космических сестёр, которых разделили в пространстве, чтобы слить с совершенно разными вселенными. Я очень люблю Лену.

Она останавливается у шланга на стене коттеджа, поворачивает кран и начинает одной рукой поливать кусты лаванды вокруг крыльца, другой рукой защищая нашу свёрнутую карту от брызг воды. Я с трепетом смотрю, как грациозно она всё это проделывает. Такая ловкая, такая бесстрашная. Её блестящие волосы до того чёрного цвета, что отливают голубизной.

– Дядюшка, только не говори, что мы вышли из Огненного кольца.

– Не вышли.

– Тогда почему ты так и торчишь у меня на крыльце? – Она вешает шланг на место и выключает воду. – Иди вари кофе. Ты не поверишь, что я придумала. Так будет гораздо лучше. И безопаснее. Ты проверила батарейки в этом фонарике?

– Да, Лена.

Она поднимается на крыльцо, я иду в коттедж, а она засыпает меня вопросами о дальнейших планах. На каждый из них я отвечаю – да, Лена. Когда я берусь за мини-кофемолку и пакет с цельными зёрнами, она подходит к залитому бетоном кухонной стойке, встав на цыпочки, разворачивает карту и прижимает углы гладкими жёлтыми камешками, найденными возле ручья у подножия горы. Всё это она проделывает непрерывными плавными движениями, словно небесная балерина, которая показывает пантомиму из повседневных действий простых смертных. Фея в натуральную величину, ангел из плоти и костей, хотя и склонный к жёсткой любви и красочным пошлостям.

Да, Лена и впрямь была балериной-вундеркиндом, пока в шестнадцать лет не велела своему менеджеру засунуть советы заболеть булимией, что, по его мнению, усилило бы приток зрителей на её выступления, в его «насквозь прогнившую закулисную задницу».

Кухня Лены находится сразу за входом в одноэтажный коттедж с высокими потолками. За стойкой, где она разглаживает карту изящными дугами, расположена гостиная, в которой стоит зелёный бархатный диван, на деревянном полу лежит сморщенный серый ковёр, на гигантской лежанке – немолодой гончий пёс Сыщик, и всё это патрулирует с видом лорда поместья огромный белый кот по имени Зефирная Морда, у которого, кажется, нет костей, он весь состоит из меха.

– Слезай оттуда, Морда, кретин ты эдакий, ты же не пантера, – воркует Лена, глядя, как он скользит по шкафам наверху. – Грета, ты проверила, что точно сложила в сумку все твои чёртовы запасные очки?

– Да, Лена.

– Не понимаю, почему ты не делаешь операцию или не носишь самые крутые очки на постоянной основе.

– Операцию я сделать не могу, потому что в обоих глазах у меня по катаракте рождественской ёлки, а в левом ещё и астигматизм, а те крутые очки – вообще заноза в заднице. Мне в них больно. Так что ношу их, лишь когда без них вообще никак. – У меня редкие, врождённые катаракты, и когда окулист – с которой я постоянно воюю, потому что она хочет видеть мой прогресс, но не видит, – осматривает мои глаза, она видит в моих радужных оболочках сплошные рождественские огни. Катаракты не болят и в моём случае доброкачественные, так говорит доктор. Но операцию мне де-

лать нельзя.

– Контактные линзы?

– Прогрессивные контактные линзы? Нет уж. Эту боль я даже представлять не хочу.

– Самый крутой адвокат – и такой слабак, – поддразнивает она и поворачивается к Зефирной Морде, так и сидящему наверху. – Слезай оттуда, Зефирка. – Но он лишь тарашится на неё, такой милый, такой невозмутимый, такой всемогущий там, на большой высоте. – Ну что же за идидот. – Она поворачивается ко мне. Я наполняю кастрюлю водой и запускаю «Мистера Кофе», вспоминаю эспрессо-машину ресторанного уровня в моём пентхаусе в Бостоне и думаю, что, несмотря на её инопланетную гладкость и идеальную обжарку зёрен, мне всё же больше нравится старый, издающий оглушающие звуки «Мистер Кофе» Лены.

Два года назад перейдя в «Котон & Коверкот», я быстро узнала, что все её сотрудники получают в подарок такую вот роскошную кофемашину. «Котон & Коверкот» относится к числу фирм из списка AmLaw 100, которые платят партнёрам семизначные суммы, а каждому юристу выдают фиксированную премию в сто тысяч не один, а два раза в год. Этот подход индустрия называет Двойной Данк. Вот почему, придя сюда после «Стокса & Крэйна», я чувствовала себя так, будто выиграла в лотерею.

Я скучаю по «Стоксу & Крэйну». Я совершила ужасную ошибку. И я буду скучать по «Мистеру Кофе» Лены и недол-

гой, но отличной возможности спрятаться здесь с ней.

– Я буду скучать по этому месту, Лена.

– Вот как? Хорошее убежище я тебе устроила?

– Лучшее в мире.

Она улыбается, и я улыбаюсь в ответ.

Сначала я думаю, что это просто бурлит старая кофемашина. Но Сыщик вдруг подскакивает и с громким лаем бежит к входной двери, которую мы оставили открытой. Половицы трясутся. Зэ Эм спрыгивает на пол, на сморщенный серый ковёр, оттуда – на кухонную стойку и в объятия Лены.

То, что сперва показалось мне свистом ветра, слишком монотонно и слишком громко, чтобы это могло быть порождением матери-природы.

Новый вихрь врывается в дверной проём, он тише, но настойчивее. Сыщик сходит с ума и как бешеный лает на беспилотник, зависший в проёме и направленный на моё лицо. Он дёргается в воздухе и останавливается напротив Лены.

Над домом раздаётся громкий, гулкий шум вертолета. Значит, произошло вот что: вертолёт выследил меня, и кто-то на борту отправил дрон для более тщательного осмотра. Меня нашли. Нас увидели вместе. Я подвергла мою милую Лену опасности. Разрушила её храм. Я готова умереть от стыда.

Наши глаза встречаются.

– Вот сучьи дети. Чёрта с два, – говорит она.

– Спускайся в комнату, – шепчу я, стоя спиной к дрону,

чтобы тот, кто нас снимает, не мог прочитать это по моим губам.

Она кивает, крепко прижимает Зефирную Морду к груди, пытаясь успокоить, торопливо захлопывает дверь. Я задёргиваю штору над раковиной, чтобы закрыть дрону обзор.

Он маневрирует в стороне от дома, жужжит за окном. Понимая, что будет дальше, я вскакиваю на стойку, перебираюсь бедром на другую сторону, таща карту за собой. К счастью, мои блестящие тренировочные штаны не шуршат, и к счастью, после утренней кардиотренировки в помещении на мне по-прежнему кроссовки «Ультрабутс». Всё это мне на руку, когда я в гуще событий. Или, точнее сказать, *мы* в гуще событий. Твою же мать, как я могла так поступить с Леной?! Я вскакиваю на ноги, несусь к пульта на столике рядом с зелёным диваном, нажимаю кнопку. Электрические дорожки над большими окнами гостиной со скрипом оживают, питают автоматические шнуры, закрывающие шторы.

Вырвавшись из поля зрения дрона, я бегу обратно к кухонному коврику и нажимаю пяткой на скрытый рычаг, спрятанный так, чтобы он выглядел как кусок деревянного пола. Люк, покрытый ковриком, открывается, демонстрируя лестницу, ведущую вниз. Я стою в стороне, жестом показываю Лене, чтобы она спускалась по лестнице, но за те десять секунд, за которые я закрыла шторы, вернулась и пяткой ударила по рычагу люка, она волшебным образом проскользнула мимо меня в какой-то безумной хореографии и подняла

с пола карту.

– К чёрту её, спускайся, – говорю я.

– Мы не можем тут её бросить, – отвечает она. – Так они поймут, куда мы направляемся.

Мы направляемся? *МЫ*? Каким бы ни был новый сценарий, она на десять шагов впереди, а я пока отстаю.

Она проталкивается мимо меня к раковине, хватая с подоконника коробок спичек, поджигает нашу драгоценную и подробную карту и оставляет её гореть в раковине. Мне невыносимо смотреть на результат нашей тяжёлой работы, потому что карта была не только красочным произведением искусства, но и содержала все необходимые коды доступа для двух разных автомобильных парков с большим количеством автомобилей с временными номерами, казалось бы, отключенных для меня, но доступных Лене благодаря запутанной и переплетённой цепи её связей. В ней были указаны и аналоговые направления к дому, зарезервированному подставной компанией без названия, которую я создала месяц назад. Зная Лену, я понимала: она всегда готовится к худшему, она готовится к тому, что тот, кто сюда явился, намерен забрать не только нас, но и наши планы и коды.

Паранойя ли это – думать, что они пойдут на такое? Неа. Паранойя ли думать, что этот дрон направила сюда «КоКо», а не просто какой-нибудь подросток-панк, шпионящий за соседями? Неа. Не паранойя. Мы прямо посреди смертельной битвы, и у меня есть факты, подтверждающие это.

Глава четвёртая

Факты ходатайства должны быть разделены двойными интервалами, не выходить за пределы полей и сводиться к минимуму в соответствии с ограничениями на количество страниц. Судьи хотят увидеть только суть фактов, безо всяких эмоций и цветистых выражений. Прилагательные должны использоваться экономно. Но в данный момент я отклоняюсь от первоначального сухого перечисления фактов, размышляя о том, как мне представить неприкрашенную реальность оставшихся причин, почему я в бегах и почему мне грозит смерть. Если бы это было настоящее ходатайство, к моменту подачи заявления оно уже было бы сильно отредактировано, отмечено красными чертами и проверено несколькими коллегами, каждый из которых внёс бы ряд правок. Продезинфицированным результатом стали бы шесть ничего не раскрывающих абзацев, каждый из которых описывал бы важное хронологическое событие. Тем не менее:

ХОДАТАЙСТВО, ОБЪЯСНЯЮЩЕЕ,

ПОЧЕМУ Я В БЕГАХ,

продолжение...

Изложение события № 1, необработанное: в конце июня 2020 года, спустя две недели после того, как Ханиуэлл, исполняющий обязанности генерального прокурора при президенте Дэвисе, начал работу с компанией «Котон & Коверкот», нынешний её руководитель, Тим Котон, вызвал меня в самый тщательно продуманный конференц-зал, так называемый конференц-зал К, расположенный в башне 8, Королевский этаж. Он не сказал, о чём пойдёт речь. Я проехала одиннадцать этажей от своего офиса до конференц-зала на сомнительного качества лифте компании «Прю», и при этом он двигался донельзя медленно, то и дело подпрыгивая на тросах, которые, казалось, вот-вот порвутся. Эти антикварные лифты были созданы ещё во времена, когда паломники высадились в Массачусетсе, и не соответствуют элегантным интерьерам фирм, арендующих это здание, таких фирм, как «КоКо». На каждом этаже, когда кто-нибудь выходил, ветер

в его пятидесятидвухэтажной шахте завывал, как январский норд-ост. Кто-то сделал комплимент моим прогрессивным чёрным очкам «кошачий глаз», которые я надела, потому что не знала, что мне придётся делать – читать, смотреть на большое расстояние или и то и другое. Честно говоря, постоянная смена очков и необходимость принятия решений в те времена была моим самым большим стрессом, и я скучаю по тем беззаботным дням – конечно, долгие часы, сложные дела, сроки подачи документов, требовательные клиенты, драма с Генри, напряжение глаз, напряжение глаз и вновь напряжение глаз. Но по сравнению с тем, что происходит сейчас, это был отпуск.

Я вышла на Королевском этаже, прошла, цокая каблуками, по мраморному коридору, ведущему к запечатанным стеклянным дверям закрытого вестибюля «КоКо», и помахала администраторам, потому что это был «избранный» этаж, где могли появляться лишь те, кого сюда вызвали Коверкот или Котон. Этажом выше по отгороженной веревкой мраморной лестнице располагались кабинеты Мориса Коверкота и Тима Котона.

Администраторы пригласили меня войти, и я вошла в просторный белый вестибюль с высокими потолками, отделанный мрамором и эмалью. Звуки музыки Баха наполняли пустоту нежным ощущением, внушали обманчивую мысль, что в этих залах царит покой.

Пересекая вестибюль, я окинула взглядом внутреннюю

лестницу рядом со стойкой администратора, отгороженную бархатной верёвкой, потому что всегда так делала, когда меня вызывали на избранный этаж. Меня всегда озадачивало огромное стёганое полотно размером двенадцать на пятнадцать футов, свисавшее на полдюйма от стены; оно крепилось болтами к эмалевым панелям возле высокого потолка открытой лестничной клетки. Это стёганое полотно было нелепым и всегда казалось мне совершенно здесь неуместным. Все остальные произведения искусства, украшавшие блестящие белые стены «КоКо», представляли собой тёмные картины маслом, изображающие английские поля или натюрморты со стопками книг и пенсне. Коллекция антикварного искусства «КоКо» действительно призвана противоречить минималистскому дизайну блестящих белых поверхностей и современной мебели, высокотехнологичных офисов и конференц-залов. По словам Мориса Коверкота, он хочет, чтобы клиенты чувствовали, что они находятся в руках старых финансовых мастеров, которые сами изобрели все эти технологии. Однако стёганое полотно на лестничной клетке вряд ли соответствует этому эстетическому замыслу.

Полотно представляет собой несколько сотен пятен пастельных голубого, жёлтого и розового цветов, которые складываются в средневековую сцену с принцессами и рыцарями вокруг замка. Оно, как я уже сказала, совершенно нелепо смотрится в «КоКо», и к тому же я никогда не видела стёганных полотен такого размера. Когда я на этот раз проходила

мимо него по пути в конференц-зал К, один его угол был загнут, и мне показалось, что я увидела край двери в стене позади. Ближайшая секретарша заметила, что я задержалась, уловила мой скептический взгляд, посмотрела на загнутый уголок и снова на меня.

– Людям нужно перестать прикасаться к этому полотну, когда они поднимаются и спускаются по лестнице, – сказала она. Потом встала со стула, сняла с крючка бархатную веревку, прошла внутрь, убедилась, что закрепила ее обратно, как бы препятствуя мне следовать за ней, чего я и не собиралась делать, а потом поднялась по ступенькам и выровняла угол.

Я улыбнулась секретарше, как будто её манипуляции с веревкой и стёганым одеялом не были странными, и прошла во внешний холл за вестибюлем. В этом зале все окна расположены с одной стороны и выходят на реку Чарльз. Он называется Вентфорт-холл. В Вентфорт-холле находится самый элитный из всех конференц-залов фирмы. Вентфорт – это место, куда политики, генеральные директора и люди, которым нужна информация о безопасности, приезжают на встречи с Морисом Коверкотом или Тимом Котоном. Мои каблуки заскользили по только что покрытому воском мраморному полу за ковром в вестибюле, поэтому я поймала заново равновесие и направилась к букве «Т» в конце, где конференц-зал «К» занимал угол со стеклянными стенами.

Увидев внутри двух мужчин, я внезапно ощутила вспышку ярости, и мне пришлось пересилить её и желание развер-

нуться и уйти. Я сказала себе, что встречу с ними лицом к лицу, раз уж они устроили мне такую неожиданность.

Я потянула серебряную ручку на стеклянной двери и вошла. Хорошо, что на мне было и моё самое эффектное деловое чёрное платье от Джейсон Ву и убийственные туфли на каблуках. Я выпрямила спину, поправила очки и подошла к столу, на другом конце которого сидел бывший генеральный прокурор Рэймонд Ханиуэлл. У окна спиной ко мне стоял Тим Котон. Тим, долговязый сорокадевятилетний мужчина, повернулся и поприветствовал меня. Меня раздражала его густая копна каштановых волос, разделённая на прямой пробор и дополненная чёлкой, срезанной прямо по линии бровей. Всё это было к тому же взлохмачено, и, таким образом, весь его образ можно было назвать в лучшем случае агрессивно немодным. Отец Тима был первым Котоном из представителей компании «Котон & Коверкот», и её первоначальный офис в Вашингтоне, округ Колумбия, по-прежнему является официальной штаб-квартирой, хотя фирма находится в Бостоне уже несколько лет, чтобы убедиться, что «КоКо» вводится прямо в вены Новой Англии.

– Грета, – сказал Тим.

– Тим, – я кивнула в ответ, но без улыбки.

– Я хочу, чтобы вы познакомились с Рэймондом. Возможно, вы могли бы на время забыть о ваших личных опасениях. В настоящее время он работает здесь, и у него будет кабинет на вашем этаже.

Я устала сидеть на Рэймонда Ханиуэлла, который сидел как король, донельзя наглый новый король, в конце блестящего белого стола. Он был похож на мешок, потому что его руки как будто намертво прилипли к бокам, и он был до того высокомерен, что не считал нужным держать спину прямо. Овал человека с почти лысой головой и в проволочных очках – вот как выглядит Рэймонд Ханиуэлл. Во всех телеинтервью, что я видела, его подбородок и щёки покрыты пятнами неряшливой седой щетины, то есть его лицо постоянно нуждается в бритве, что не особенно вяжется с его великолепным костюмом-тройкой. Он посмотрел на меня в ответ. Я выдержала паузу длиной примерно в два удара сердца.

У меня есть один пункт, сильно мешающий карьере. Я искренне верю, что хорошо отточила свои актёрские навыки, и искренне верю, что могу сдерживать свои эмоции в стрессовых ситуациях. Но я не умею лгать, и мне кажется, что ложь разъедает душу. Всякий раз, попадая в ситуацию, где от меня ожидается, что я буду лгать, я чувствую, что мне снова десять лет, и слышу, как моя любимая тётя Вайолет шепчет мне на ухо: терпеть не могу врунов. Так что в тот момент, глядя на Ханиуэлла сверху вниз, я не могла ему улыбнуться. Я хотела, чтобы он понял, что я о нем думаю. Но у меня был отработанный приём, возможно, естественный для судебного процесса: хотя я не могла улыбаться и притворяться, я могла выиграть время, чтобы обдумать лучшую стратегию. Поэтому я решила просто ему кивнуть. Не начинать с обви-

нений и оскорблений, по крайней мере пока.

– Рэймонд, – начала я, – я Грета Винет Севилл, юрисконсульт фирмы по раскрытию электронных документов. Уверена, что Тим рассказал вам о моей роли.

– Она, – сказал Тим, положив одну руку на живот, а другой жестикулируя, – Грета, занимается разными компьютерными делами, так что нам не нужно с этим возиться.

Я кое-как натянула улыбку. Тим явно чувствовал себя обязанным надавить на меня, преуменьшив мою ценность, но меня это не беспокоило, потому что, демонстрируя такую внешнюю неуверенность (принижая меня, чтобы самому казаться повыше), он дал мне возможность. Я поняла, что смогу ухватиться за следующий ход и вытянуть из него то, что мне нужно. Он знал, что я это сделаю, он поймал свою оплошность и подавил дрожь, потому что по-настоящему сильный человек никогда не чувствует необходимости демонстрировать своё высокое положение. Истинная сила уничтожает вас тихо, под маской и за закрытыми дверями. Тим стал нынешним Котоном, потому что не так давно почивший папа Котон подсунул маленького Тимми Морису Коверкоту. Морис Коверкот отпраздновал девяностолетний юбилей, но всё ещё работал в отдельном кабинете этажом выше. Ну а Тим, избалованный Тим, попавший в фирму по праву рождения, не имел ни малейшего опыта судебных разбирательств. В офисе «КоКо» округа Колумбия он занимался адвокатским лоббированием интересов коммерческих групп с

особыми интересами.

Я посмотрела на Тима и увидела слабость. Я посмотрела на Ханиуэлла и увидела высокомерную силу. Глядя на них вместе, я видела, что это самый большой риск в истории компании.

– Приятно познакомиться, Грета, – сказал Ханиуэлл. – Я надеюсь, что мы сможем преодолеть любые ваши опасения, чтобы мы могли вместе работать над вопросами клиентов.

Я сделала глубокий вдох. Прикусила язык. Изо всех сил подавила ярость, бурлившую внутри. Эти люди, эти люди и их махинации. Тот факт, что «КоКо» дала Ханиуэллу шанс начать всё сначала, как и многим другим до него. Я сглотнула. Господи, это было так мерзко. Никто не дал тёте Вайолет шанс искупить свою вину после того, как она сделала то, что сделала. Ее мотив, может быть, и был преступным, но, по крайней мере, он был альтруистическим. В Ханиуэлле не было ни капли альтруизма. В эти секунды у меня в голове один за другим вспыхнули вопросы: почему? Почему он? Почему ему дали этот шанс на перерождение? При чём здесь его связи? Тогда я не знала, как ответить на эти вопросы, но мне нужно было найти способ это выяснить. Так что пока я сосредоточилась на том, что могу получить от Тима Котона в качестве компенсации за то, что он меня в это втянул.

– Конечно, Рэймонд. Я уверена, мы сможем придумать что-то, что устроит нас обоих. Тим? – позвала я, чтобы привлечь его внимание. Он поднёс большой палец к зубам.

Скрестил руки.

– Да?

– Итак, Кэл обращался ко мне за помощью со всеми судебными повестками, которые получает фирма, запросами сторонних документов, хранением данных для судебных нужд фирмы ... и тому подобное. Все это каким-то образом связано с теми компьютерными делами, которыми я занимаюсь. – Я нарочито медленно произнесла слова «компьютерные дела», чтобы показать, что я заметила его оплошность и сделала определённые выводы. – Раз уж мы здесь, я как член Комитета по информационной безопасности фирмы не могу не поинтересоваться, на каком этапе официального оформления этой роли помощника главного юрисконсульта мы находимся? Это, конечно, уже решённый вопрос?

Он ухмыльнулся. Он понимал, что в данных обстоятельствах он не может мне отказать.

– Конечно, Грета. Я думал, что всё уже решено. Я говорил с Кэлом. Так что считайте это формальностью.

Он ни о чём не говорил с Кэлом. Он просто не хотел дать понять, что ни хрена не знает о том, какими юридическими вопросами и вопросами информационной безопасности я занимаюсь. Ему нужно было возродить между нами иллюзию, что он всемогущ, всезнающ. Ему нужно было показать мне, что власть ещё при нём. Но если ты жалко ходишь пешкой, твоего ферзя перехватит другой. Проблема в том, что король-то был к нему ближе, так что лучше все-

го было убрать и короля. Я не совсем понимала, какими будут остальные ходы в этом шахматном турнире, но я знала, что приближение к должности главного юрисконсульта фирмы будет иметь значение. Нет, я так медленно произнесла слова «компьютерные дела» совсем не только для того, чтобы упрекнуть Тима Котона; они должны были внушить ему мысль, что моя единственная роль как помощника Кэла состоит в том, чтобы помогать ему делать рутинную работу. Тим забыл, что главный юрисконсульт обязан также обеспечивать выполнение этических обязательств фирмы и соблюдение законов. Тим, неквалифицированный управляющий партнёр крупной фирмы, вообще не думает о соблюдении законов. Он думает об обходе законов. А это две очень и очень разные вещи.

Изложение события № 2, необработанное: примерно месяц спустя, но ещё до встречи с Летним Брэдом, Морис Коверкот попросил меня дать интервью на тему юридических технологий в крошечном внутреннем конференц-зале недалеко от Вентфорт-холла. Журналистка пообщалась со мной об искусственном интеллекте и его влиянии на юридическую практику. Закончив беседу, мы шли мимо телескопа в центре Вентфорта, в который можно было разглядеть крупным планом гребцов на реке Чарльз и покупателей на Ньюбери-стрит. Ну а я, посмотрев туда, могла бы увидеть и свой собственный сад на крыше, венчающий мой пентхаус в

Ньюбери на четвёртом этаже.

– Отличный вид, – сказала журналистка, Самера Банерджи. Я сохранила её визитку. Когда она сказала «отличный вид», её пронизательные карие глаза смотрели совсем не в окно, а сканировали, как лазер, внешний мир, белые поверхности Вентфорт-холла, а следом – мою реакцию. Меня поразила её острый ум, и я почувствовала, что она хочет от меня чего-то большего, нежели чем мнения о буквальном толковании или вообще искусственном интеллекте.

– Верно, – ответила я, полагая, что она может забрасывать наживку. – С помощью этого телескопа можно определить, где начинается очередь за айфонами, – добавила я, имея в виду почти постоянную толпу на Бойлстоне.

– Ха, это уж точно, – сказала она, кивнула и сцепила руки за спиной, как профессор, терпеливо выслушивающий жалкие шуточки.

Проходя по огороженной верёвкой лестничной клетке к апартаментам Котона и Коверкота и снова мельком увидев странное, огромное, пастельное лоскутное одеяло с принцессами, она замедлила шаги, наморщила лоб, как будто о чём-то задумалась: может, о полотне, может, о лестничной клетке. Но довольно быстро она прошла в вестибюль, и я последовала за ней. Защитные двери из толстого стекла закрылись позади, и нас окружили громкое жужжание и вой восьми лифтовых шахт, создав ощущение, что мы погребены в месте слияния нескольких аэродинамических труб. И этот за-

глушающий звук, видимо, как раз и требовался Самере, чтобы она сказала то, что сказала.

Она повернулась спиной к секретаршам и, глядя прямо перед собой, на натюрморт с очками, висевший на торцевой стене, наклонилась ко мне боком, и, указывая на натюрморт, тихо сказала:

– Сделайте вид, что мы обсуждаем картину.

– Что, простите?

– Картину, Грета. Мы обсуждаем картину. – Она шагнула ближе к ней, хотя мы по-прежнему торчали в вестибюле у лифтов. Я никогда ещё не была в такой ситуации, но она была журналистом-расследователем, а я читала много книг о расследователях, так что мне стало интересно.

– Да, великолепная картина, – ответила я и подошла ближе, тоже встала к секретаршам спиной и ссутулилась.

– У меня есть источники, – прошептала она. – Правда, мне предстоит разгадать ещё одну загадку, но это не совсем цель моего репортажа. Я-то занимаюсь технологиями. Но так или иначе... – Она помолчала. Казалось, она не уверена, стоит ли задавать мне вопрос. Потом, вновь указав на картину, всё-таки его задала: – Я знаю, вы работаете в «КоКо» всего год. До этого вы восемь лет проработали в «Стоукс & Крейн», фирме, расположенной парой этажей ниже. Верно?

– Да, всё так.

– Я изучила вашу биографию. Судя по всему, вы играете по правилам. Вы жёсткий, ревностный к своим клиентам

специалист, но при этом честный. А Стоукс ... Стоукс известен своей этикой, да?

– Ну да, – сказала я и нахмурилась. К чему она клонила?

– Мне любопытно, что же это за источник такой? Опять же, я знаю, что вы здесь сравнительно недолго. Но вы когда-нибудь слышали о Теодоре Ханиуэлле?

На тот момент не слышала.

– Нет. Он связан с Рэймондом Ханиуэллом? Теперь он наш партнёр, с тех пор как ушёл с поста генерального прокурора.

– Да, я знаю о Рэймонде Ханиуэлле.

– Так кто такой Теодор Ханиуэлл?

– А, да неважно.

Порыв воющего ветра, взлохматившего наши волосы, известил нас, что её лифт прибыл, и она умчалась, но, видя, что больше в лифте никого нет, помахала мне на прощание и сказала:

– Будьте осторожны, Грета. Люди умирали, глядя на Теодора Ханиуэлла. Если что, у вас есть моя визитка.

Двери закрылись. Я поспешила обратно в кабинет, взяла сумочку, поехала вниз, прошла через квартал до собственного дома. Проехала мимо ресторана на первом этаже, офиса на втором, студии звукозаписи на третьем и оказалась на четвёртом. Взяла с гранитной кухонной стойки личный ноутбук и вверх по внутренним ступеням, огибая груды книг, пробежала в сад на крыше.

Там, за столом на открытом воздухе, среди деревьев в горшках, я с головой погрузилась в загадку Теодора Ханиуэлла. Репортёр Самера Банерджи с поразительной ясностью продемонстрировала необходимость соблюдения строгой конфиденциальности. Об этом говорило всё: как она наклонялась, чтобы прошептать вопросы, то, как сурово на меня смотрела, то, как советовала быть осторожнее и прямо предупреждала о смерти. Мне нужно было скрыть историю поиска, потому что «КоКо» имеет обыкновение её отслеживать, так что ни корпоративным ноутбуком, ни корпоративным вайфаем пользоваться я не могла.

Я погуглила информацию о Теодоре Ханиулле. Не нашла ни фото, ни изображений кого-либо по имени Теодор Ханиуэлл, связанного с Рэймондом Ханиуэллом или кем-либо ещё из «Котона и Коверкота». После нескольких ночей и ранних утр поисков и исследований мне удалось лишь раздобыть один крошечный фрагмент на Wayback Machine, веб-сайте, который хранит снимки веб-сайтов, так что там можно иногда обнаружить элементы, которые позже будут удалены из живой сети. Люди всегда говорят, что в цифровом мире ничего не исчезает. И это верно, но не всегда.

Отследив сотни кроличьих нор по ложным следам, я нашла тайный список членов малоизвестного комитета политических действий (КПД), созданного в 2010 году для представления интересов частных тюрем. В то время, когда я обнаружила этот КПД, я ещё не работала над делом частной

торговой ассоциации правоохранительных органов. У меня ещё не было ключевого документа № 10, подаренного Летним Брэдом.

В списке людей, связанных с КПД, я нашла Теодора Ханиуэлла. Его имя фигурировало среди ряда имён других людей, которые, как я знала, имели давние связи и профессиональные отношения с Рэймондом Ханиуэллом, бывшим генеральным прокурором, а ныне партнёром «КоКо». Тут-то мне и пришла в голову мысль, что Рэймонд и есть Теодор, что Теодор – псевдоним Рэймонда. У Рэймонда нет членов семьи по имени Теодор. В онлайн-сети этого списка членов КПД не существует – он был вычищен. И в более поздних документах этого КПД и общедоступных документах нет упоминания ни о Т. Ханиуэлле, ни о Теодоре Ханиуэлле, ни, конечно, ни о Рэймонде Ханиуэлле. Проще говоря, если моя теория была верна, то до того, как стать генеральным прокурором Соединенных Штатов, Рэймонд Ханиуэлл имел *mens rea* (преступный умысел) скрывать свою связь с этим комитетом. Он не стал представляться им настоящим именем, а псевдоним Теодор Ханиуэлл был удалён из действующих документов КПД. Всё это наводило на очевидный вопрос – почему? И были ли другие документальные подтверждения моей теории?

Изложение события № 3, необработанное: всё ещё до того, как Летний Брэд нашёл документ № 10, где-то незадол-

го до Рождества двадцатого года, я заработалась допоздна. Мой ужасный ноутбук зависал каждый час или около того, так что мне пришлось призвать на помощь айтишника. Айтишником на этот раз оказался Пит-Перезапуск, который ответил на звонок и вскоре уже стоял в моём дверном проёме. Пит-Перезапуск – тощий парень с жиденькими патлами, и я не очень люблю с ним общаться, что довольно несправедливо, потому как он виноват лишь тем, что всегда советует перезапустить компьютер. Что бы ни случилось, надо перезапустить компьютер. Несколько месяцев назад Пит-Перезапуск вместе со мной учился проводить криминалистическую экспертизу на жёстком диске имевшегося в продаже беспилотника.

– Пит, – сказала я, отодвигаясь от компьютера, на ходу меняя очки для чтения на прогрессивные и морально готовясь к фарсу, который мне приходится разыгрывать каждый месяц, – ты уже знаешь, Пит, что я собираюсь сказать.

Он улыбнулся в ответ.

– Ну что ж, давайте его сюда, ваша честь, – произнес он. – Это должно сработать.

– Сколько раз мне ещё предстоит пережить этот разговор? Мы работаем с серьёзными делами, и нам нужны настоящие, работающие компьютеры, а не игрушки от «Фишер Прайс». Почему они так часто ломаются? И, господи, я уже трижды его перезапустила. Только не говори, что нужно перезапустить ещё.

– Вот это речь, Грета. Bravo! – сказал он, медленно хлопая в ладоши.

– Всегда пожалуйста. Но я выброшу в окно этот проклятый компьютер и тебя, мой друг, если ты посоветуешь мне сам знаешь что.

– Ханиуэлл тоже мне угрожал, – заметил он. – Большой босс считает фирменные ноутбуки кучей хлама и настаивает на том, чтобы использовать свой собственный компьютер. Так что, может, вам двоим объединиться и поговорить с тем, кто тут занимается бюджетами. – Он подошёл к моему компьютеру, уселся в моё кресло. – Но Ханиуэлл ещё дальше пошёл. По-моему, он пользуется тот же компьютер, что служил ему, когда он был генпрокурором. Но лично мне, – он доверительно наклонился ко мне через стол, – кажется, что он не должен использовать персональный компьютер для государственных дел. Он же не Хиллари Клинтон, верно?³ Это же незаконно?

– Хм, – ответила я, делая вид, будто меня очень интересует содержимое почты: каталоги, счета поставщиков, юридический бюллетень. Ничего такого, что могло бы оправдать то внимание, которое я этому уделила, не отреагировав на слова Пита о том, что Ханиуэлл использует персональный ком-

³ Хиллари Клинтон в бытность госсекретарем вела служебную переписку через личный почтовый сервер. ФБР в 2015–2016 годах проводило в связи с этим расследование на предмет возможной утечки секретной информации. Бюро не нашло в действиях Клинтон состава преступления, хотя установило, что около ста писем содержали секретную информацию.

пьютер для работы в правительстве и фирме. Вопрос о том, законно ли это, я тоже проигнорировала.

– Как думаешь, почему он так делал, когда работал в правительстве? – невозмутимо поинтересовалась я.

– Ну, пока я был на связи, подключив его к сети, я кое-что успел разглядеть, хотя мне не очень-то и хотелось. Просто всякое финансовое дерьмо. Бухгалтерские штучки. Куча архивных писем. По-моему, я видел выписку из банка где-то на Каймановых островах. Может быть, это вообще не его, а какого-нибудь родственника, вот он и не хочет, чтобы кто-то это видел. Мне показалось, папка с какими-то из писем была помечена как «Теодор» или что-то в этом роде.

Выпалив всё это на одном дыхании, он повернулся к моему мёртвому компьютеру. Но это было серьёзное заявление, и он знал, что я всё пойму, и это был Пит – довольнообразительный парень, который своим хитрым способом предупредил меня о возможном риске.

Чтобы развеять впечатление, что я согласна с любой точкой зрения Пита и с тем, какие слухи он распустит, если я прямо не заявлю о своем несогласии, я сказала:

– Уверена, что Ханиуэлл не использовал персональный компьютер, для работы в правительстве, Пит.

– Ну, я только знаю, что это единственный компьютер, который он намерен использовать, и ему не понравилось, что у нас должен быть к нему административный доступ. Но мы пообещали ему, что никто не будет разглядывать его барах-

ло. У него там много архивных материалов, вот и всё, что я знаю.

Пит-Перезапуск принялся перезагружать мой компьютер, что всегда занимает миллиард лет (и именно поэтому этот в целом славный парень меня и бесит) из-за всех протоколов безопасности, так что я решила свалить отсюда подальше. Мне не хотелось путаницы в отношении того, согласна ли я с его довольно очевидным предупреждением о Ханиуэлле.

– Сейчас приду. Мне нужен биологический перерыв, – сказала я. А потом, подчёркивая несерьёзность проблемы, остановилась в дверях и спросила:

– А Ханиуэлл подписал договор на разрешение использовать собственное цифровое устройство?

– Конечно. Без этой подписи никто из моей команды ему ничего бы не подключил. Вы достаточно ясно выразились, госпожа помощник главного юрисконсульта. Мы не лишимся работы.

– Спасибо, Пит. И спасибо, что чинишь мой компьютер, хотя ты тупо перегружаешь его в четвёртый раз, боже праведный.

– Может, тебе лучше в стендаперы пойти? – крикнул он мне вдогонку. Я была уже на полпути по коридору.

По дороге в туалет я думала, что, возможно, причина, по которой я сделала свой ход, стремясь получить должность помощника главного юрисконсульта, становится всё более очевидной. Пункт нашей политики, разрешающий пользо-

ваться собственным устройством, который я недавно обновила ввиду всего, что мне приходится делать с компьютером, раскрывается в следующей части:

Подписывая этот договор, вы соглашаетесь с тем, что уполномоченное лицо может получить доступ к вашему устройству в целях безопасности и соблюдения законов.

Буду ли я считаться должным образом уполномоченным лицом, если получу доступ к ноутбуку Ханиуэлла? Или, может быть, стану настоящей преступницей? Хватит ли у меня мужества это сделать? И как не попасться? И если я попадусь, то что?

Изложение события № 4, необработанное: спустя месяц, уже после того, как Летний Брэд показал мне документ № 10 и сноску о ежемесячных выплатах в 80 тысяч долларов торговой ассоциации в пользу Т. Ханиуэлла и сопоставив это с моими подозрениями, изложенными выше, за четыре года скопив достаточно ярости по отношению к администрации Дэвиса (приведённые примеры – лишь немногие), я решила, что в моей жизни изменилось всё. В их работе не изменилось ничего – они всегда были подлыми, гнусными и совершенно неадекватными, но я-то теперь занимала более привилегированное положение. Следовательно, характер изменений означал, что такие люди, как я, движимые хорошими наме-

рениями, но слепые, не могут больше всё это игнорировать.

Я чувствовала, что обязана действовать, обязана сделать хоть что-то, сыграть свою роль. Внезапно я поняла многое из того, о чём говорила тётя Вайолет, когда я была маленькой, и, может быть, поняла причины, по которым она порой совершала радикальные и противозаконные поступки. Но это была её ярость, а теперь была моя.

Тот факт, что новая администрация ещё даже не начала расследования в отношении Дэвиса и его соратников, злил меня вдвое больше. И учитывая всё, что мы видели за годы правления Дэвиса, я не знала, верить ли ФБР. Кипящая, туманная, беспомощная ярость – вот всё, что я чувствовала.

Я не совсем представляла, что мне делать, но у меня было достаточно причин подумать о том, чтобы как-нибудь ознакомиться с перепиской Ханиуэлла – той, которая, как сообщил мне Пит-Перезапуск, была у него на ноутбуке. Слово «архив», которое он употребил по меньшей мере дважды, давало понять, что там хранилище старых писем. Так что всё зависело от того, хватит ли у меня наглости получить к ним доступ и выяснить, имеют ли смысл моя теория и загадка репортёра Самеры.

То, что я собиралась сделать, могло считаться нарушением закона о компьютерном мошенничестве и злоупотреблениях служебным положением, может быть, нарушением всех видов кодексов, законов и адвокатской этики, но, опять же, всё изменилось, и я стала помощником главного юрис-

консульта фирмы. Согласно моим рабочим обязанностям я должна была следить за тем, чтобы фирма и юристы фирмы, даже если они были назначены партнёрами и бывшим генеральным прокурором, соблюдали законы. Никто не сообщал мне ни в устной, ни в письменной форме, что я была «должным образом уполномочена» на доступ к ноутбуку Ханиуэлла, но кто был уполномочен дать мне такие полномочия? Шансов, что Коверкот, Котон или главный юрисконсульт Кэл поддержат расследование этой информации и вообще мою инициативу во всём, что касалось Ханиуэлла, не было никаких. Потому что, опять же, с какой стати Ханиуэлл приземлился в «КоКо»? Не было никакого смысла раскрывать карты, спрашивая разрешения.

Администрация Дэвиса была коррупционной лавиной, и от неё страдали люди. На мой взгляд, старая политика юридических фирм, основанная на студенческом братстве золотой молодёжи, неприменима перед лицом тяжких преступлений и зверств. По общему признанию, я действительно пострадала ввиду решения покинуть вторую мою фирму, «Стукс & Крейн», которая отличалась строгой этикой и прогрессивной культурой. Если бы я не ушла оттуда, мне не пришлось бы рисковать карьерой. Честно говоря, я предпочла бы продолжать юридическую практику и оставаться в стороне. Спокойная жизнь, сложные поручения, необходимость напрягать интеллект, много работы и удовлетворение от карьеры, даже драма с бывшим коллегой Генри – вот чего мне

хотелось. Но я выбрала иной путь. Это пилюля, которую я сама решила проглотить. Пилюля, проглотить которую я должна была уже давным-давно.

В итоге мы имеем что имеем.

Не зная, каким конкретно будет мой план, я заложила основу для того, чтобы обеспечить себе некоторую анонимность. Я связалась с доверенным партнером из «Стоукс & Крейн» и с помощью договора, который обязывал его соблюдать строгую конфиденциальность между адвокатом и клиентом, заставила его учредить анонимную офшорную подставную компанию, где моё имя было глубоко скрыто благодаря многочисленным документам, чтобы под именем этой компании я могла получить кредитную карту и сделать заказ на поездку, приобрести телефон и арендовать жильё. Если понадобится. Тогда я ещё не знала, понадобится мне это или нет.

После этого я стала ждать подходящего момента. Как говорила тётя Вайолет незадолго до побега: «Мудрая женщина прокладывает рельсы своей железной дороги, даже не зная пункта назначения. Будь готова, копи наличные, холодные твёрдые доллары в огнеупорных мешках. И никогда не паникуй, девочка».

Изложение события № 5, необработанное: две недели назад Кэл Парсел, главный юрисконсульт фирмы, как обычно, готовился провести август в Италии. На еженедель-

ном совещании мы с ним должны были обсудить статус повесток в суд, направляемых фирме (что совершенно рутинно и постоянно происходит со всеми крупными фирмами). Воспользовавшись случаем, я спросила:

– Кэл, пока вы в отпуске, я ведь буду вашим заместителем, верно? Я так, на всякий случай.

– Да, это логичнее всего, – ответил он, не отрываясь от своего айпада. В семьдесят лет Кэл уже мало что видел из-за катаракты, к чему, увы, шла и я. – Вы можете мне ещё раз показать ту штуку для редакции фотографий?

Кэл и я, по сути, были штатными юристами «КоКо», занимались юридическими потребностями фирмы и вопросами соблюдения требований. Юридические фирмы, как и корпорации, также нанимают сторонние фирмы для их представления. Даже, если на то пошло, не фирмы, а корпорации для зарабатывания денег, а вместе с ними судебных исков и рисков.

Я беспокоилась, что Кэл не назначит меня своим заместителем, потому как прослушал мой вопрос, погрузившись в айпад. Но он развернул его ко мне экраном, чтобы я вновь запустила фотошоп, и сказал:

– Но всё, что выходит за рамки вашей привычной компьютерной работы, вы должны согласовывать с нашим внешним советником.

– Конечно, – ответила я. – Мне и так хватает работы с клиентами!

А потом я, признаюсь, фальшиво рассмеялась. Ха.
В тот же день, чуть позже, я отправила Кэлу письмо:

Кому: Кэл Парсел

От: Грета Винет Севилл

Дата: 31 июля 2021 г.

Тема: Италия!

*Кэл, хорошего отпуска! Не терпится услышать о ваших
винных турах по Тоскане. Я обо всё позабочусь. Спасибо,
что доверяете мне как заместителю главного юрисконсульта.
И не редактируйте фото слишком сильно! Сохраните
цвета, иначе они не будут вызывать яркие воспоминания.
Грета.*

Изложение события № 6, необработанное: три дня
назад, спустя полтора месяца после того, как Летний Брэд
показал мне ключевой документ № 10, я дождалась вечера.
Мне нужно было, чтобы в мою пользу сложились несколько
факторов, чтобы я наконец решилась, и в тот вечер мне пока-
залось, что пора. Как выяснилось, мне следовало продумать
всё это получше, потому что опасность была совсем рядом –
ну вот, собственно, потому-то я и в бегах. Мои действия из-
менили план. По сути, я сама себя катапультировала в хаос.

Перед этим, днём, в обеденный перерыв, я стояла в фир-
менном кафе (сороковой этаж) и ждала, пока шеф-повар
смешает мне гуакамоле, когда мимо меня прошёл Ханиуэлл.

Адвокаты с подносами засуетились и расступились в стороны, словно он был Моисеем в Красном море. Он боком подошёл к жаровне, которая находилась неподалёку от меня. Он как ни в чём не бывало стоял там в костюме из культового ателье на Сэвиль-Роу, заказывал фирменное жаркое и смеялся, ха-ха-ха, несмешному рассказу партнёра с галстуком-бабочкой о налоговом законодательстве. Вот он, Ханиуэлл из администрации Дэвиса, изображающий безудержное веселье, нарядный, свободный и жирный, – а вот моя клиентка в поисках убежища, у которой на границе отняли ребёнка в соответствии с политикой Ханиуэлла, позволяющей разлучать грудных детей с матерями, одной из которых я в то утро звонила, и всё, что от неё услышала – рыдания. Тяжёлые, глухие болезненные рыдания, тщетная надежда облегчить боль. Она со своей маленькой девочкой бежала из Сальвадора, потому что полицейский расстрелял её мужа, не позволившего изнасиловать её в их собственном доме, и пустился за ними в погоню, обещая всё-таки изнасиловать и её, и их маленькую девочку, потому что они только для этой цели и годятся. У них не было другого выбора, кроме как искать убежища, и администрация Ханиуэлла посчитала их за это преступниками. На границе у неё вырвали ребёнка из рук, она потеряла с ним связь и теперь не знала, что делать дальше. Наблюдая, как Ханиуэлл, этот архитектор боли, смеётся над шутками о налогах и как официант подаёт ему на фарфоровой тарелке жаркое, приготовленное на заказ, я

едва не лишилась рассудка. Я пообещала себе в эту же ночь сделать то, что задумала.

Второе, что побудило меня действовать без промедлений, – слова того горе-комика с галстуком-бабочкой. Он сказал Ханиуэллу:

– Рэймонд, ты же придёшь сегодня вечером на Фенуэй? Все детишки мечтают на тебя посмотреть.

Почти целое лето большая часть «КоКо» и все без исключения стажёры торчат на бейсбольном стадионе Фенуэй Парк.

– Конечно, приду, – сказал Ханиуэлл, – только время напони.

– Матч начинается ровно в семь. Ложа у нас, разумеется, есть.

В моей голове тут же выстроилась схема. На Фенуэй Парк нельзя проносить чемоданы, и значит, Ханиуэллу придётся оставить свой прекрасный ноутбук в кабинете.

Я взяла свою тарелку с гуакамолем и чипсы из тортильи с лаймом, вернулась в кабинет. Я обещала Тоби соблюдать кето-диету, но облажалась. Я не такая целеустремлённая, как мой брат. Пробую, лажаю, пробую снова. Я съела целую пачку чипсов.

Тем вечером, поскольку большинство партнёров и коллег, а также все летние стажёры ушли смотреть, как играет «Ред Сокс», я посчитала достаточно безопасным отправиться в кабинет Ханиуэлла. Коридоры Сторожевого этажа гудели от

шума пылесосов. Я посмотрела направо, посмотрела налево и по внутреннему коридору двинулась в зал напротив. На пути мне не встретился никто. Лишь стены сияли космической белой эмалью. Мне вспомнилась любимая коллега по «Стоукс & Крейн», помешанная на «Звёздных войнах», и подумалось, что внутри «КоКо» похож на футуристический звездолёт.

В кабинете Рэймонда Ханиуэлла было темно и пусто. В противоположном конце зала жужжала пылесосом уборщица в наушниках, не обращая на меня внимания. Я увидела, что в нескольких кабинетах отсюда, где сидел старший помощник, горел свет, но вместе с тем слышала громкую музыку и стук клавиатуры. В общем, я решила, что мне ничего не угрожает.

Я проскользнула в офис Ханиуэлла. Подошла к его ноутбуку, стоявшему на зарядке, подключила флешку и, поскольку я знаю пароль администратора, вошла в систему. Помня слова Пита-Перезапуска о том, что на ноутбуке Ханиуэлла находятся архивы электронной почты, я провела поиск по всем файлам с расширением pst. Это, по сути, архив электронных писем, хранящихся, в случае Ханиуэлла, на локальном жёстком диске, а не на работающих серверах фирмы. И бабац! – мои поиски сразу же дали результаты. В одной папке обнаружилось несколько таких файлов больших размеров.

Щёлкнув правой кнопкой мыши, я выяснила, что общий размер всех файлов вместе составляет колоссальные три-

ста гигабайт. Следовательно, мне представлялась возможность распаковать из архива и просмотреть шестьсот гигабайт необработанного содержимого. Что примерно эквивалентно шестистам грузовикам бумаги.

Я начала процесс копирования всего этого на свою флешку, вмещающую, по счастью, целый терабайт. Процесс был долгим, и со мной едва не случился сердечный приступ. Звук пылесоса становился всё ближе, и я была уверена, что слышу шаги. И тем не менее этот чёртов процесс копирования тянулся и тянулся.

Осталось семь минут ... осталось девять ... осталось три ... шум пылесоса усилился ... осталось четырнадцать минут ... я спряталась под стол Ханиуэлла, присела на корточки, подождала, вернулась к ноутбуку ... осталась одна минута ...
ЗАВЕРШЕНО.

Я выдернула флешку, сунула в карман платья и закрыла корпус ноутбука. Я повернулась, чтобы уйти, и тут-то поняла, что совершила роковую ошибку.

Именно в этот момент я вспомнила, что фирма совсем недавно ввела ещё одно правило в целях безопасности: всякий раз, когда внешний жёсткий диск – например, моя флешка – подключался к ноутбуку, при следующем входе пользователя в систему всплывало окно, предупреждавшее пользователя о подключении внешнего диска. Далее пользователю нужно было подтвердить, что указанное соединение законно, нажав «ДА» в ответ на вопрос «Вы разрешили это

соединение?» Так что мне следовало переопределить всплывающее окно, вновь войдя и подтвердив его законность, тем самым не дав ему всплыть, когда пользоваться ноутбуком будет уже сам Ханиуэлл.

Так что я повернулась и вновь открыла его ноутбук. Я ввела пароль администратора.

Я услышала кашель в коридоре. Я услышала шаги.

Я подумала, что это уборщица или тот сотрудник, который громко печатал дальше по коридору. Я решила, что быстренько с этим покончу и снова спрячусь под столом Ханиуэлла.

Кто-то приближался ко мне. Кто-то был примерно в десяти футах от дверного проёма, и я слышала его тяжёлое дыхание. У меня не было времени ждать, пока загрузится домашняя страница или раскроется всплывающее окно, поэтому я закрыла крышку – медленно, чтобы не было слышно щелчка. Повернувшись, я не увидела в дверях никого, но дыхание становилось всё ближе. Я схватила со стола Ханиуэлла ручку и стикер и принялась лихорадочно черкать.

– Какого чёрта вы тут делаете?

Я подняла глаза. Всё оказалось намного, НАМНОГО хуже, чем я думала. Не уборщица. Не тот, кто громко печатал. Это был сам Ханиуэлл.

– Господи, – я схватилась за сердце, – как вы меня напугали!

– Что, ради всего святого, вы делали в моём кабинете?!

– Да просто писала вам записку, – сказала я, демонстрируя стикер и ручку. Я думала, что разыгрываю эту уловку для уборщицы или помощника, а не для самого короля, так что просто начертила там несколько линий и кругов. Я не думала, что они станут читать мою записку.

– Что там такого важного, что вы влезли в мой кабинет, где свет не горел? Не могли написать по почте? Не могли оставить голосовое сообщение? – Его голос гремел, он трясся от гнева. Я понимала – он таким образом защищается. Значит, ему есть что скрывать.

Я выпрямилась, сделала невозмутимое лицо и поправила прогрессивные очки. Моё сердце разрывалось, в голове гудел рой пчёл. Я скомкала исписанный стикер и засунула его поглубже в карман платья, к флешке.

– Ладно, Рэймонд, забудьте об этом. Завтра поговорим. Знаете ли, люди всегда оставляют друг другу записки, ничего такого тут нет. Ваш кабинет – не Форт-Нокс⁴.

Я, конечно, сказала чушь. От сотрудников «КоКо» ожидалось, что они будут как можно меньше тратить бумагу и как можно больше уважать неприкосновенность офисных помещений. Это в «Стоукс & Крейн» можно было ходить из кабинета в кабинет, а столы заваливать бумагами и книгами. Как настоящие юристы.

Как будто в ярости, я протолкнулась мимо Ханиуэлла в дверной проём, пулей метнулась в свой кабинет, схватила

⁴ Военная база США.

фотографию, на которой я и Генри, другую, на которой я, Тоби и тётя Вайолет, и что-то ещё, что могла схватить за десять секунд. Я так быстро вылетела из «КоКо», что можно было подумать, будто он горит. Не знаю, сколько времени спустя Ханиуэлл заметил всплывающее окно. Может быть, он отключил ноутбук от сети и ушёл, ничего не увидев до тех пор, пока не вернулся домой или в офис на следующий день. Мне не суждено было узнать.

Я ещё не была готова к побегу, но понимала, что выхода у меня нет. Я облажалась.

Я ворвалась в свой пентхаус, схватила походную сумку (ещё один урок тёти Вайолет), которая уже была набита сменной одеждой, туалетными принадлежностями, кроссовками от Ультрабуст, айфоном анонимной подставной компании и зарядным устройством, всеми моими очками. Вытащив из-под кровати крошечный сейф, достала оттуда несгораемый мешок с двадцатью тысячами всех номиналов и сунула туда же. Я уже бежала на кухню, чтобы взять личный ноутбук, когда заметила то, что меня шокировало.

Во-первых, на кухонной стойке стояла коробка с почтой, где лежал жёлтый пакет, в каких обычно присылают книги. Я не стала переворачивать пакет, чтобы увидеть отправителя, потому что моё внимание оттянула на себя коробка. Всю эту почту уборщица должна была принести и оставить, как обычно, в четверг. Но на квадратной коробке восемь на восемь стоял адрес и имя отправителя: ГЕНРИ ПАЛАНКЕРО.

Мой Генри.

Я ахнула, и тут же произошло второе шокировавшее меня событие. Когда я уже собиралась схватить коробку Генри и бежать, зазвонил мой домашний телефон. Его пронзительный звук и нелепость того, что звонил он, а не фирменный айфон, как обычно, стали для меня разрывной гранатой. Я попятилась прочь от телефона, будто от маньяка с ножом, ошарашенно ожидая, когда сработает инстинкт бегства. На третьем звонке этот инстинкт подтолкнул меня мчаться к лифту, к машине, прочь из города.

Я не взяла свой личный ноутбук.

Я не перевернула жёлтый пакет. Я могу лишь предположить, что там была книга. Я не взяла коробку Генри.

Я не думала ни о чём, кроме того, что нужно бежать.

Телефон звонил, звонил и звонил, когда я уходила, и, клянусь, я слышала его звон, даже садясь в машину и выезжая из подвала здания.

Я снова и снова слышала слова тёти Вайолет, они стучали в моём мозгу: никогда не сомневайся, убегай в ту же секунду, как считаешь нужным, девочка. Если ошибёшься, ничего страшного. Ты всегда можешь вернуться. Но если ты права, у тебя будет ещё один день перед боем. Всегда, всегда доверяй своим инстинктам.

Я припарковала машину на стоянке за городом, поймала такси, попросила подбросить меня до автобусной станции в каком-то случайном городе на час ближе к Лене, заплатила

наличными. Позвонила Лене из таксофона. Лена приехала за мной, и вот я здесь.

Так что я совершила ужасный поступок, а потом пришла к Лене. У неё нет устройства такой мощности, чтобы посмотреть на нём шестьсот грузовиков электронных писем, для работы ей требуются лишь паршивый ноутбук и айпад. И я не хочу загружать электронные данные на её устройства и подвергать её риску. Ещё это означает, что у меня не было возможности сделать облачную резервную копию содержимого флешки. У меня есть только эта единственная локальная копия.

Это рискованно. Это ужасно рискованно.

Никто не должен был знать о Лене. И всё же нас нашёл дрон, и мы прячемся.

За последние три дня я пыталась сказать себе: никто не знает о Лене. Расслабься. Она в безопасности. Ты сохранила ее тайну.

Почему я никому не рассказывала о Лене целых одиннадцать лет – это другая история или, может быть, часть истории, потому что она связана с моим детством, связана с тетей Вайолет, с тем, что она сделала и как сбежала, и кем, таким образом, стала я. Но сейчас, сидя в коттедже Лены посреди красочного поля, я отчаянно хочу добраться до точки А по намеченному нами курсу.

Что я могу доказать и как, и насколько это масштабно? Мне нужно добраться до места, где я смогу изучить содер-

жимое флешки, все шесть сотен грузовиков переписки Ханиуэлла – и так, чтобы никто из «КоКо» не узнал, где я нахожусь и куда направляюсь.

Глава пятая

На нашей карте, которую Лена только что сожгла, были указаны и зашифрованные номера резервации поездов. Все коды доступа к автостоянкам, все конкретные адреса улиц уничтожены.

Она свистит Сыщику, призывая его спуститься по лестнице к люку в кухонном полу, и, спустившись вслед за ним, останавливается на первой ступеньке, смотрит на меня и говорит, постукивая себя по виску:

– Теперь я – твоя карта.

Да, это так. У Лены феноменальная память. Мощный стальной капкан памяти. Она сожгла нашу карту, и я не могу помешать ей идти со мной.

Когда мы бежим вниз, она говорит:

– Как только мы выберемся отсюда, нам придётся ... я знаю, что ты не хочешь никого вовлекать, но это уж слишком. Одна ты не справишься. Так что, сама понимаешь, придётся собрать команду.

Она всегда вынуждает меня взглянуть правде в глаза. Так что, может быть, мне нужна была эта передышка после всего, что произошло три дня назад, не только для того, чтобы перестроиться и со ставить лучший план. Ещё и потому, что мне требовалась сила её убеждений и беспристрастный взгляд на ситуацию. Она права, мне нужна команда, но сей-

час, в эту секунду, я против. И я ничего ей не отвечаю.

Глава шестая

Можно подумать, я не юрист, а девочка из сказки про трёх медведей: примерила три разные фирмы, и только одна подошла. Летнюю стажировку я проходила в маленькой фирме «Лопес и коллеги», там же проработала первый год. Она состоит всего из трёх партнёров, но зато глава, Бо Лопес, считается лучшим адвокатом по гражданским делам в Новой Англии. С ним я до сих пор на связи.

На второй год работы я, как уже говорила, перешла в старейшую бостонскую фирму «Стоукс & Крейн», воспользовавшись возможностью развития в многообещающей сфере: электронном раскрытии информации. Там я спокойно проработала восемь лет, но тут-то на бостонский рынок и ворвались «Котон & Коверкот», переманив меня и нескольких моих коллег. Помимо повышения зарплаты они пообещали сделать меня партнёром раньше, чуть ли не сразу после того, как я к ним перейду, хотя обычно это происходит лет через десять, и то это ненамного проще, чем верблюду втиснуться в игольное ушко. Они хотели именно юристов из Стоукса, потому что у нас хорошие отношения с клиентами из Новой Англии, так что и делали нам предложения, от которых мы никак не могли отказаться.

Такие предложения делает только сам сатана, но я тоже попалась. Когда ключевую роль в принятии решения играют

деньги или первые эмоции, сожаление приходит очень быстро. И вскоре я осознала, что той самой удобной кроваткой для меня был Стоукс.

Невозможно увязать всё это с контекстом того, что я прямо сейчас нахожусь в хранилище Лены. Это хранилище – безопасное место для женщины, живущей в одиночестве в глуши, так что Лена поступила очень мудро, добавив его в план строительства. Закрыв и заперев люк и спустившись по деревянной лестнице в это подземное пространство размером десять на десять, я говорю Лене, что мне нужна минутка, чтобы перевести дух. Подумать.

Её директива собрать команду вместе так и остаётся без ответа. Кроме того, мы так и не решили – потому что прошли всего пара минут – как, чёрт возьми, мы отсюда выберемся, если нас отслеживает этот дрон или вертолёт.

Я вышагиваю перед металлической полкой, заставленной книгами, консервными банками, свечами и батарейками в упаковках. Проталкиваюсь между бочками с водой. Лена в сарафане цвета лайма сидит на обшарпанной красной скамейке возле стальной двери, ведущей в подземный тоннель. Этот тоннель ведет к её восьмичасовой пристройке-студии. Когда температура ниже нуля, он служит ей зимним транспортом.

Она возится с ручками крошечного телевизора, который стоит на складном столике рядом с красной скамейкой. Телевизор транслирует изображение с нескольких камер, рас-

ставленных по всему дому.

– Ты можешь разобрать номер дрона на переднем крыле? – спрашиваю я.

– Подожди. – Она достает из кармана платья айфон, щёлкает по экрану, увеличивает фото. – Да, вот он. FA88927889.

– Ага. Это определённо дрон «КоКо», и управлять им может только один человек. В прошлом году у меня было дело, требовавшее судебно-медицинской экспертизы дрона клиента. Я сама и оплатила этот чёртов испытательный дрон. А занимался им Пит-Перезапуск.

– Пит-Перезапуск?

– Неважно. Вот сукин сын. Они знают, что я это знаю. Они надо мной издеваются. Нам придется подождать тут, пока этот дрон не вернется к вертолёту.

– А если они пришлют кого-то ещё? Раз уж они тебя увидели?

Я не могу поверить, что это происходит на самом деле. Все мои самые потаённые страхи сбылись. Зачем же я обманывала себя, внушала себе, что они не будут такими быстрыми, такими агрессивно настроенными? Я полагаю – я надеюсь – что дальнейшая часть моего плана будет более продуманной, а стратегия – более основательной, но мне следовало подумать получше, прежде чем позволить себе эту передышку у Лены. Вот же чёрт. Первое правило тёти Вайолет: никогда не доверяй своему противнику ни на секунду, полсекунды, микросекунды.

– Здесь у них вряд ли кто-то есть. Так что у этих людей уйдёт по крайней мере два часа, только чтобы добраться сюда из Бостона, если они не планируют лететь вертолётом, а в этом я сомневаюсь. Пилот фирмы, Стелла, вряд ли им даст такую возможность. Полагаю, она тоже здесь, ищет возможность узнать, где я нахожусь, и получает указания от какого-нибудь сукина сына вместе с Тимом Котоном, Ханиуэллом и чёрт знает кем ещё. А дроном управляет, конечно, Пит-Перезапуск. И он, поверь мне, понятия не имеет, что он вообще тут делает. Чёрт знает, какую чушь они ему наговорили. Нам нужно сделать паузу, Лена. Сделать паузу и подумать, прежде чем на полусогнутых бежать в лес. Они надеются, что мы начнём паниковать, а этот проклятый дрон и этот проклятый вертолет выследят нас с неба и поймают в ловушку.

– Мы *уже* в ловушке, Грета, – говорит она, но не едко, а мягко, констатируя факт. Возвращая меня к реальности.

– Это мы ещё посмотрим.

Она не отвечает, продолжает смотреть телевизор. На экране я вижу, как дрон перелетает с одного квадрата на другой. Камера на крыше подтверждает, что вертолет находится слишком низко над землей, мне видно его чёрное брюхо. Лопасты, кружа, должно быть, портят кружево королевы Анны и разгоняют монархов, и я в ярости.

Включается громкоговоритель.

– Грета, это Стелла и Пит из фирмы. Мы все очень обес-

покоены. Вы не выходите на связь уже несколько дней. Всё в порядке? Мы здесь в рамках программы экстренной помощи сотрудникам фирмы.

– Вот дерьмо, – говорю я.

– Может, это правда? – предполагает Лена.

– Точно нет. Ты только представь, через что им пришлось пройти, чтобы меня выследить. Я ведь никому не говорила, куда направляюсь.

Да, учитывая крайне конфиденциальный характер нашей работы, это правда – у нас есть программа экстренной помощи сотрудникам, потому что адвокатов, которые занимаются тем, чем мы занимаемся, нередко похищают с целью получения выкупа. Но эта программа обычно нужна для международных поездок в нестабильные страны. Не помню, чтобы фирма когда-либо заходила так далеко в решении внутренних проблем. В лучшем случае проверяла больницы и морги и отправляла кого-нибудь домой к тому, кто не выходил на связь четыре дня. Прошло всего три, два из них пришлись на выходные, а у меня включен режим «Вне офиса». Кроме того, в последний раз меня видел Ханиуэлл – в его кабинете.

Хотя у меня есть сомнения, доказательства, подтверждающие или не подтверждающие мою теорию, я могу найти лишь в переписке Ханиуэлла, и порой я задаюсь вопросом, правильно ли вообще поступила. Но, учитывая всё, через что мне пришлось пройти в детстве из-за тёти Вайолет, у меня нет никаких сомнений относительно того, зачем сюда

притащились Стелла и Пит, и это очень плохо. И очень опасно. И за всем этим стоит частная охрана, которая всем командует.

Я сижу напротив Лены на ящике её любимого Монтепульчано. Сыщик сидит рядом, но не лает, потому что этот невероятный пёс просто академик какой-то, и Лена тоже молчит. Ээ Эм явно теряет самообладание, вжавшись в её сарафан так плотно, что его белый мех вплетается в салатовую ткань.

Я тяну к ней руки, всем своим видом умоляя дать мне возможность передохнуть, опустить голову, закрыть глаза, сосредоточиться на своих мыслях. Мне нужно вытащить нас отсюда.

Но как назло, в голове крутятся только кадры моего последнего рабочего дня в «Стоукс & Крейн» два дня назад. Это уловка мозга, это зараза, которая всегда одолевает меня в самый неподходящий момент. Я никогда не могу подумать о настоящем, не вспомнив тот последний день, тот монументальный момент, ту роковую завершённость. Почему я ушла? Из-за денег. Но это была не единственная причина. Жестокий факт, который в мой последний день я осознала настолько глубоко и отчётливо, что в моём разбитом сердце до сих пор чёрная дыра. Я помню так много подробностей о людях, которыми я восхищалась и которых оставила позади. Но в данный момент это не имеет значения, и я должна отключить мысли об этом, чтобы сосредоточиться на текущей задаче.

Я должна отделить одно от другого.

– Лена, как? Как они могли найти меня здесь так быстро?

Она отводит взгляд от телевизора, смотрит в пол, не отвечает. Пожимает плечами, а потом внезапно вздрагивает.

– Это ... Грета ... – говорит она, по-видимому, встревоженная тем, что собирается сказать.

– Лена?

– Ну, я бы в любом случае тебе рассказала ... просто не хотела тебя волновать. Но ладно. В общем, два года назад, когда ты ко мне приезжала после того, как уволилась из Стоукса, я выложила наше с тобой фото в соцсети для художников. А два дня назад, когда ты приехала и всё мне рассказала, я его удалила ... но ... – Она морщится, ей больно говорить мне об этом, и поспешно добавляет: – Я указала твоё полное имя.

Я нажимаю большими пальцами на кость над линией бровей, словно меня мучает мигрень.

– Значит, Wayback Machine. Очевидно. Они искали там моё имя, а оно упоминается мало где, меня нет в соцсетях, и они нашли ту фотографию, и следовательно, нашли тебя. А потом в моих телефонных записях нашли твоё имя и номер среди тысяч.

– Я так этого боялась. Я хотела тебе рассказать ...

Я качаю головой.

– Лена, это так очевидно. Чёрт, это базовый принцип, которому я обучаю сотрудников правоохранительных органов,

когда мы проводим расследования. Судебная экспертиза телефонных записей тоже является базовой. Они бы увидели, что ты звонила мне несколько раз.

– Но ты никогда мне не звонишь.

– Нет, я никогда тебе не звоню. Но я никогда не просила тебя скрывать информацию обо мне. Это просто моё ...

Она кивает. Мы говорили об этом. Она знает основу того, почему нужно держать меня в секрете. Но она никогда не просила меня рассказать ей всё, что определило мою жизнь. Я никогда никому не говорила о том, что ощущаю с Леной странное родство, потому что мне трудно даже думать о причинах, и страшно, и, может быть, стыдно, что меня до сих пор так мучает что-то из детства. Что-то, что я лучше понимаю сейчас, повзрослев, и могу контекстуализировать и рационализировать. Любой другой сотрудник моей первой фирмы вообще не вспомнил бы о Лене после того, как мы выиграли дело и она оплатила счет. Она стала бы для них номером дела в архивах. Но наши с Леной отношения всегда казались такими естественными, такими чистыми и верными, что она могла быть только моей. Так что я скрывала её от всех, не скрывая от неё намерения. Обстоятельства жизни тёти Вайолет, той, которая терпеть не могла обманщиков и давала мне уроки безопасности, изменили меня. И то, как мой мозг связывает поступок Вайолет и Лену, не будучи в состоянии их разъединить, могло бы привести к созданию совершенно новой области психотерапии. Но сейчас у меня

нет времени на открытия в этой области.

Я должна их разделить.

Я всегда всё разделяю.

Мой мозг так и устроен – коробка для того, коробка для этого.

Я занимаюсь судебными процессами, но в то же время я человек, поэтому у меня нет выхода, кроме как всё разделять.

– Прости, Грета. Мне очень жаль, – говорит Лена.

– Нет-нет-нет. Чёрт. Я идиотка. Я не должна была тебя в это втягивать. Я никогда не просила тебя скрывать информацию обо мне, потому что никогда не думала, что окажусь, мать твою, в бегах. – Я зажимаю рот кулаком, отвожу взгляд. Я не могу позволить им причинить Лене вред, погубить Лену. Я должна уйти отсюда, пусть даже для этого Стелле придётся затащить меня в вертолёт.

– Никуда ты не уйдёшь. Я собираюсь бежать с тобой. Ты это переживёшь, – говорит Лена. Вот ещё одна её невероятная особенность: она читает мои мысли, предвосхищает их. – Чёрт возьми, Грета, не заставляй меня жить с чувством вины за то, что мы не справились с этими уродами. Ты не сдашься. Я не дружу со слабаками.

Вот она, её жёсткая любовь.

– Где они сейчас? – спрашиваю я, глядя на экран.

– Всё ещё там. Дрон завис над Офисом. – Значит, он над трёхчасовым зданием, над прямой линией к восьмичасово-

му, куда ведёт этот тоннель. Это ближайший к ручью флигель с летней кухней на краю поля и леса.

– Лена, если я сейчас не выйду и не объясню им, что ты ничего не знаешь, не смогу их убедить, что ты ничего не знаешь, то это финиш. Ты не сможешь сюда вернуться, если я их не остановлю. Они будут распускать о тебе самые разные слухи. Они могут даже взорвать твою берлогу и назвать это несчастным случаем в лаборатории метамфетамина. Ты у них на крючке. Ты слишком много знаешь. Ты же это понимаешь, верно? Они сделают всё, чтобы тебя дискредитировать. Я испоганила всю твою жизнь.

Она качает головой.

– Из всех умных людей, кого я знаю, ты самая тупая, Дядюшка. И самая отбитая. Конечно, ты способна убедить какого-нибудь федерального судью, но не этих сучьих детей. Они в любом случае меня оклеветают, подорвут и что ты там ещё сказала. Так что я с тобой. И ты не сдашься, – она добавляет со всей искренностью, но спокойно и с любовью: – Хотя порой ты тупишь как сука.

Я встаю. Я делаю несколько шагов. Я поворачиваюсь лицом к стене. Я хочу миллион раз попросить у неё прощения.

И именно сейчас, когда всё, что я чувствую, глядя на ряды книг и банок с консервированной свеклой, – бесконечная ненависть к себе, мне вдруг приходит идея. Я поворачиваюсь к Лене и криво улыбаюсь ей.

– Что такое?

– Доставай из мешка палатку, суй туда Зэ Эма. Сыщика я возьму на поводок, – говорю я.

– Допустим. А план-то ты мне расскажешь?

– Мы слишком много об этом думаем. Что мы всегда говорим придуркам на экране, когда смотрим триллеры?

– Быстро. Звони. Копам, – отвечает она, при каждом слове качая головой. – Но ты сказала, что в полицию обращаться пока не можешь. Ты сказала, что тебе ещё нужно просмотреть все, что находится на этом жёстком диске, и найти больше связей между Ханиуэллом, «КоКо» и частной тюремной системой, и собрать всё вместе в неопровержимые улики?

– Да, но ведь пока мы не *идём* в полицию. Мы *звоним* в полицию.

– Ну окей. Как скажешь, босс. – Она смотрит на меня так, будто я ничего не понимаю, но ей все равно, потому что она в любом случае в деле. – Я уверена, что ты мне потом объяснишь, дядюшка. – Она встаёт, опускает Зэ Эма на бетонный пол. Он бежит к Сыщику, а Сыщик не трогается с места, настоящий защитник. – Палатку нам вынимать не нужно. У меня есть переноска для Зэ Эма. Так что мы берём его с собой. – Она снимает с крючка за консервами переноску цвета морской волны с пластиковым куполом и вентиляционными отверстиями, ставит на пол, расстёгивает молнию, и Зефирная Морда белой молнией влетает туда. Конечно, у неё есть кошачья переноска. Лена надевает её на спину, а я надеваю походную сумку. Лена снимает с того же крючка поводок,

обматывает вокруг талии.

– Вообще Сыщику не нужен поводок, он и так хороший мальчик.

Сыщик высоко поднимает голову, всем своим видом выражая согласие с хозяйкой. Я достаю анонимный айфон, гуглю полицейское управление Ленокса, штат Массачусетс.

– Ну, звони, – говорю я. – Есть большая вероятность, что Стелла уже в курсе этого звонка, потому что, раз мы не запаниковали и не сбежали, те, кто отвечает за «КоКо», ожидают, что мы будем звонить. Они для того и пытаются вывести меня из себя, чтобы я отправилась в то место, которое они могут контролировать. Они не знают, что у нас есть выход. Как только мы услышим сообщение, его услышит и Стелла. Эти уроды поедут в участок и будут ждать, когда я притащусь туда писать рапорт. Лена, набирай девять-один-один.

– Откуда ты знаешь, что они планируют?

– Я ничего не знаю, Лена, я лишь предполагаю. Но, всю жизнь проработав с юристами такого калибра и зная их ресурсы, я примерно могу себе представить, что сделала бы я на месте преступников.

– Значит, мы звоним в 911. А потом что?

– Потом уходим. Согласно плану на той карте. И ты совершенно права. Нам нужна команда. Это уж слишком, чтобы справиться в одиночку.

Глава седьмая

В последний мой день в «Стоукс & Крейн», два года назад, Виктория Виглиони вручила мне кружку. Виктория – настоящий гений и при этом выглядит как точная копия актрисы Зои Дешанель. Но не вздумайте говорить это ей в лицо, потому что последствия вам не понравятся. Мы были в её кабинете, увешанном яркими красочными пальчиковыми рисунками её племянниц-близняшек. Почти над всеми сложными делами за эти восемь лет мы работали вместе с Викторией, потому что она занималась самыми серьёзными случаями утечки данных и криминалистической экспертизы. Несмотря на то, что она была из поколения Y, она сумела занять должность руководителя отдела судебных технологий. Я доверяла Виктории свою карьеру, свою жизнь. Она как никто другой умела управляться со CaseSpaceAI и CaseCore, находя релевантные данные среди миллионов и миллионов документов.

– Вот, – сказала Виктория, протягивая мне кружку, не улыбувшись и не встав из-за стола, так что мне пришлось за ней наклониться. Кружка была совершенно новой, в ней лежала визитная карточка компании. – Заворачивать не стала. – Она поджала губы, как сердитая кошка из мемов. На кружке была нарисована утка, а под ней выведено: *Мы решили бы эту проблему, проводя больше сраных собраний.*

– Мне нравится. – Я улыбнулась, пытаюсь разрядить обстановку. Она постучала по фарфоровой табличке на столе, приветствовавшей всех гостей: НЕТ.

– Ты, засранка, бросаешь меня с этими засранцами.

– Виктория, я же тебе говорю, «Котон & Коверкот» готовы взять и тебя. Ты мне нужна.

Она не удостоила меня даже смехом, лишь хрюкнула.

– Ну да, так что нет. Чёрта с два. Когда я по твоей милости проходила их сраное собеседование, эти засранцы называли меня Викки. Я не перехожу на сторону зла. И тебе не совету.

Мы уже несколько раз ссорились по этому поводу, так что на этот раз я только вздохнула.

– Я буду скучать по тебе, Викки. – Я нарочно назвала её Викки, чтобы поддеть, но она и глазом не моргнула. – Зато мы можем обедать вместе. «КоКо» находится в этом же здании.

– Да, да. Я в курсе. Эти засранцы ясно дают понять, что хотят стереть Стоукса с планеты Бостон. Как будто Пру теперь галактика, «КоКо» – Звезда Смерти, а Стоукс – жалкий Альдераан.

Я вновь обвела глазами её коллекцию персонажей «Звёздных войн», выстроившуюся на полке вместо папок с юридическими бумагами. Виктория – не юрист, она считается вспомогательным персоналом. Но ни один достойный юрист не возьмётся за дело с большим объёмом данных без её по-

мощи. А тех, кто не согласен целовать её в задницу, я и за адвокатов не считаю.

– Я не понимаю. Целый год эти засранцы возились там наверху со своим строительным дерьмом, выстраивая адский пейзаж, а ты всё время ворчала из-за шума. А теперь ты бабац – и за две недели решила уволиться? – Её тон резко посерьёзней, брови нахмурились, так что я смотрела на неё без улыбки, просто слушая. – Грета, я думаю, ты сделала это только потому, что ... – Она тут же осеклась и воздела руки вверх. Я была поражена, что она настолько перешла на личности и так меня оскорбляет, ещё и потому, что именно в этот момент поняла убийственную причину, по которой приняла предложение «КоКо», помимо денег и статуса. – Неважно. Неважно. Ты большая девочка. Это твоя жизнь. Не моё дело.

Я глубоко вдохнула, на миг закрыла глаза и натянула улыбку. Я не готова была обсуждать причину, по которой приняла предложение «КоКо», ни с Викторией, ни с кем. Сначала мне нужно было обсудить её с самой собой. Так что мы снова вернулись к взаимным подколам, как обычно.

– Прости меня, Виктория. Мне очень жаль. Честно. Кружка классная. Спасибо. Но мне пора идти. Я направляюсь к Звезде Смерти.

– Да, да. Я тоже буду скучать. И всем своим холодным мёртвым сердцем надеюсь, что дверь хлопнет тебя по заднице.

– Надейся, Зои Дешанель, надейся.

– Вот же сучка паршивая! – были её последние слова.

Конечно, потом мы продолжали общаться. Я несколько раз вытаскивала её со мной пообедать, но в её поведении слишком явно читалась холодность, а в моём сожаление, и к тому же в мире судебных разбирательств два года пролетают как наносекунда. Мы обе были слишком заняты работой, и хотя как раз в прошлом месяце обедали вместе и я объяснила, что вскоре мне может понадобиться её помощь в одном нестандартном важном деле, о деталях я умолчала, и пару секунд она серьёзно смотрела мне в глаза, как бы говоря: *я понимаю, что ты сейчас не можешь рассказать мне подробнее, и разрешаю тебе задать вопрос, помогу ли я тебе, когда придёт время.* После этого она мне ответила – как скажешь, босс, – и мы продолжили обсуждать её племяшек и то, как ей трудно встретить человека, который, как она выразилась «не прицепится как паразит и будет уважать мой рабочий график».

У меня тоже нет ни мужа, ни детей. Мой брат Тоби, профессор философии, живёт в одиночестве в хижине в Вермонте, редко выбираясь за пределы родного кабинета. Наши родители – на острове Палмс в Южной Каролине. Тёти Вайолет давно нет. Так давно нет ...

Да, моя личная жизнь, безусловно, тоже сыграла роль в тот последний день в «Стоукс & Крейн».

Я повернулась, вышла и на прощание помахала ей через

стекло. Она махнула в ответ и снова скорчила гримасу, как у той кошки. Думаю, в этот самый момент, когда я прощалась с Викторией, самой моей близкой коллегой, туман последних двух недель после того, как «КоКо» пригласили меня на собеседование, сделали предложение, от которого невозможно отказаться, и я его приняла, наконец рассеялся. По телу пробежали мурашки, сердце заколотилось. Пока я шла по знакомым коричневым коридорам Стоукса мимо невероятно красочных работ разных художников во всех стилях – смешанная техника, пейзажи, скульптуры, абстракции, через хорошо укомплектованную кухню на тридцать третьем этаже, с вполне сносной кофемашиной, хорошим ассортиментом хлебобулочных изделий для секретарей и коробок с остатками пиццы для адвокатов, до меня дошло, что я совершила непоправимый поступок.

Но только когда я миновала эту уютную, по-домашнему уютную мини-кухню и свернула налево к внешнему офису, чтобы попрощаться с Генри, я поняла, в каком заблуждении находилась, принимая действительно неудачное решение. Решение, основанное на эмоциях, а не на стальной карьерной интуиции, которой я должна была руководствоваться. Потому что, подойдя к двери Генри и увидев, что там пусто, свет не горит, все растения исчезли, как и красивый завал из журналов и бумаг, я вспомнила, что Генри уволился два месяца назад. И в этот яркий, освещённый прожекторами момент осознание прошептало мне беспощадную прав-

ду: я приняла катастрофическое решение перейти в «КоКо», чтобы оказаться как можно дальше от опустевшего кабинета Генри.

Я до сих пор вижу его на совещаниях, те незабываемые часы в конференц-зале Стоукса, его тёмные волосы, его большие карие глаза, его невероятное спокойствие перед лицом устрашающих фактов, сложных прецедентов и требовательных партнеров. То, как он задавал тон в кабинете, невзирая на то, кто ещё там находился, хоть сам Стоукс, потомок изначального Стоукса. В его безупречных манерах, уверенном тоне, ослепительном интеллекте было что-то неосязаемое, подчинявшее ему всё. Я вижу себя напротив него, ловлю его взгляд, а он ловит мой. И я до сих пор снова и снова вспоминаю тот день, когда мы были одни в маленьком конференц-зале без окон, и он пересел на стул рядом со мной, и я заметила, что его запястье покрыто веснушками, и я коснулась его, и он не отдернул руку. Я помню до последней доли секунды, что он не отдернул руку, что она какое-то время оставалась неподвижной и тёплой под моим прикосновением. Я помню электрическую пульсацию во всём моём теле, помню, как прижала палец к этим веснушкам на его запястье, желая слиться с ним, стать единым целым. Этот момент был первым откровенным физическим актом после долгих страстных взглядов и даже одного прямого разговора за неделю до этого и совместных обедов, которые почему-то всегда длились на час дольше, чем мы планировали.

Может быть, он первым начал действовать, пересев на стул рядом со мной, зная, что мы здесь одни? Или я была первой, вжав палец в его кожу? Но какая разница. Кто был первым – неважно.

Но я помню и другое. Миг спустя, по-прежнему не отодвигая руку и не сдвигая мой палец, он сказал:

– Я возвращаюсь к Мари. Попробуем в последний раз.

Мари была его женой, год назад подавшей на развод. Решение о разводе ещё не было окончательным.

Я убрала палец.

– Разве она не съехалась с тем типом, с которым они вместе варили сыр?

– Она возвращается в Бостон.

– Похоже, сыровар её кинул, и она использует тебя как запасной аэродром. Она тебя не заслуживает. – С моей стороны гадко было так говорить, поэтому я немедленно добавила: – Прости, пожалуйста.

Я не имела права так говорить. Мы не были любовниками. Моё прикосновение к его запястью было первым физическим актом, которого никто из нас не мог отрицать. Но мы были коллегами, близкими друзьями, мы флиртовали, мы обедали вместе как сумасшедшие. Отсюда моя дерзость прикоснуться к веснушкам на его запястье в конференц-зале Стоукса.

– Честно говоря, я не знаю, правильное ли это решение, но я обещал попробовать, – сказал он, глядя мне в глаза, и

задержал взгляд на несколько ударов сердца. Он был близко к моим губам, близко, очень близко к тому, чтобы поцеловать меня. Но он отодвинулся назад, и у меня упало сердце, и я никогда не забуду эти секунды вечности.

Во мне что-то щёлкнуло, а когда во мне что-то щёлкает, я иду напролом. Я вновь прижала палец к веснушкам на его запястье.

– Ты не уверен в этом решении, потому что любишь меня. И я тебя люблю. Вот, я это сказала.

Честно говоря, я вообще не помню, что было потом. Какой-то смазанный, ужасный, долгий, мучительный разговор о сложностях, и обязательствах, и его обязанности попытаться простить, и последних попытках, и необходимости подумать, и всё такое. Все типичные слова, которые приходят после того, как сорвёшь крышку с того, что давно назрело. И нет, он не стал отрицать мои слова. Совсем не стал.

Господи, как же я люблю Генри. Я всегда чувствую эту боль, похожую на удар в живот, и небо вновь чернеет, и тучи висят так же низко, как в день, когда он ушёл. Я не могу забыть эти тучи, серые и густые, возле моего кабинета в «Стоукс & Крейн», уничтожившие яркий свет, закрывшие его лицо. Он сидел в оранжевом кресле для посетителей, я смотрела на постер в рамке за его спиной, постер фильма по книге Габриэля Гарсиа Маркеса о невинной Эрендире. Всё, чего мне хотелось, – выкрикивать в его адрес нецензурную брань, заставить его остановиться, задержаться, задуматься.

А ещё мне хотелось не сломаться и не заплакать, потому что внутренняя сторона моего кабинета была стеклянной, а кабинет секретаря за ним находился в пределах слышимости.

– Закрой дверь, – сказала я, надеясь заглушить всё, что собиралась высказать в этом чёртовом кабинете.

– Грета, прости. Ты знаешь, что я должен улетать. Во вторник я начинаю работать в Тенкилле. Мари уже вылетела. Мой рейс завтра.

Тенкилл – это огромная система больниц в Нью-Йорке. Так себе название для больниц, но глава системы, Тенкилл Энерджи, может делать что хочет, а хочет он, чтобы его имя было на как можно большем количестве зданий. Генри получил повышение от старшего юриста Стоукса до руководителя отдела соблюдения нормативных требований для всей компании Тенкилла. Его должность – что-то вроде главного юрисконсульта, его задача – следить, чтобы врачи и персонал в его владениях соблюдали законы. Его роль, очень похожая на мою в отношении Ханиуэлла, требует, чтобы он расследовал возможную внутреннюю коррупцию. Это очень похоже на внутренние дела в отделении полиции.

Тем не менее.

Я не собираюсь отдавать должное заслугам Тенкилла, потому что он забрал у меня Генри. Что касается Мари, я отдаю должное заслугам Генри. Он пытается наладить их отношения, хотя почти всё то время, что я его знаю, она не приносила в его жизнь ничего, кроме стресса. Она ушла от него

к сыроделу, а потом приползла обратно в Бостон только для того, чтобы тут же начать ныть, как ей тут плохо и что только возвращение в Нью-Йорк может всё изменить.

Но что я, свечку держу за Генри, что ли? Жду его? Или он – то единственное иррациональное в моём рациональном и структурированном существовании? Я зря трачу лучшие для личной жизни годы? Я уважаю святость брака и его желание по крайней мере сделать эту последнюю попытку? Да, да, да, да, да. Лена говорит, что я люблю Генри, потому что его невозможно заполучить, и этой любовью прикрываю своё нежелание строить отношения. Но Лена неправа. Я люблю Генри безоговорочно и иррационально, потому что я безудержно, безумно влюблена во все его качества. Я бы сделала для него что угодно. Как и для Лены.

Кстати, о Лене. Она только что дозвонилась, и теперь диспетчер отправляет сюда машину, что зафиксировано в приложении сканера. Прижавшись друг к другу головами, мы всматриваемся в экран телевизора. Наши рюкзаки нависают над Сыщиком, ожидающим у открытой теперь стальной двери в туннель.

Одна, две, три, четыре секунды. И дрон возвращается к вертолёту, а Стелла уводит в сторону этот вертолёт.

– Пойдём, Лена, – говорю я. – Пора идти.

Я надеваю авиаторы, предназначенные для дальних дистанций, и мы уходим.

Часть II, В которой мы меняем дислокацию и убираемся отсюда

Глава восьмая

Дело в том, что эти коррумпированные политики, эти коррумпированные адвокаты, коррумпированные белые воротнички так долго избегали наказания, потому что всегда могли восстановить репутацию с помощью филантропии и своих кровосмесительных сетей. А также угнетающих требований почтительно относиться к авторитетным мужчинам и женщинам.

Но администрация Дэвиса пролила свет на то, что происходит, если не выносить обвинительные приговоры и белым воротничкам, которые совершают преступления. Уайтуотер, Энрон и так далее – чем не примеры?⁵ Чёрт возьми, «Нью-Йорк Таймс» разоблачила даже, что президент Дэвис

⁵ Скандал, получивший название «Дело Уайтуотер», имел место быть в начале 80-х годов и связан с инвестициями семьи Клинтон в арканзасскую недвижимость. Дело американской энергетической компании «Энрон Корпорейшн» заключалось в манипулировании отчётностью, что стало известно в октябре 2001 года и привело к банкротству компании.

десять лет не платил налоги! Каких злодеяний мы могли бы избежать, если бы его, как и всех нас, простых смертных, должным образом судили за налоговое мошенничество! И это ещё не всё.

Те, кто на это смотрел, страдал и испытывал отвращение, могут иметь свои собственные сети и, может быть, даже их использовать. Потому что если сети можно использовать для совершения преступлений, которые становятся всё серьёзнее, нарастают как снежный ком и катятся, катятся, пока не докатятся до администрации Дэвиса, то, значит, можно их использовать и для совершения правосудия.

Мои сети легальны. Сети Лены нелегальны. Может быть, вместе у нас есть шанс сыграть нашу малюсенькую роль и поймать хотя бы одного преступника. Это нам предстоит выяснить.

Наш забег открывает Сыщик, которому скомандовали: «Марш вперёд, мальчик!». За ним бежит Лена, Зефирная Морда тычется в пластик переноски, его большие круглые глаза не мигают. Я сзади, за спиной у меня сумка. Добежав, Сыщик ждёт у подземной двери в подвал восьмичасового флигеля.

Лена вводит пароль и снова командует: «Вперёд, мальчик». Сыщик обнюхивает гобелен, завешивающий дверь подвала восьмичасового здания, и снова ждёт у другой двери, за которой скрывается дверь в рабочий кабинет. Лена вводит другой код, Сыщик исследует ещё один гобелен, две

женщины и один кот следуют за ним.

Оказавшись наверху, я первым делом обращаю внимание на творческий беспорядок на её антикварном столике для хлеба, который она превратила в письменный стол. Всё это – сделанные от руки заметки о неизвестных и пропавших без вести итальянских картинах 1575–1650 годов. Она убеждена, что не может не быть неизвестных частных работ великих мастеров, которые теперь лежат где-нибудь на чердаках, в загородных домах, приходских домах и тому подобных зданиях. Высокие стопки книг по истории искусства и монографий, как охранники, стоят по бокам двери, ведущей на летнюю кухню.

Лена открывает эту дверь, осторожно делает шаг вперёд, не давая Сыщику пройти первым. Хотя летняя кухня представляет собой туннель, увитый виноградными лозами и растениями, она смотрит вверх сквозь просвет в растительности над головой и кричит мне:

– Всё чисто. Коптера нет. – Потом, повернувшись к Сыщику, говорит: – Вперёд, мальчик. К воде.

Сыщик устремляется вперёд, за ним Лена и Зэ Эм, за ними я. Я всё время смотрю вверх, на клочья голубого неба между густыми лианами и листьями, переплетающими металлические ограждения и шпагаты, которые Лена установила, чтобы сделать этот волшебный туннель. Пройдя мимо гриля, я замечаю в раковине на открытом воздухе опустевшую бутылку «Монтепульчано», которую мы выпили два

дня назад, и гигантские кубки, так и не вымытые. На столе с двумя столешницами стоит её подвижная колонка «Сонос», и мне вспоминаются наши многочисленные обеды, когда мы как следует наедались и напивались и Лена объявляла, что настало время «развлекательной части вечера». Она твёрдо убеждена, что все обеды для двух или более человек должны включать в себя развлекательную часть, в которой участвует каждый посетитель. Однажды после того, как мы станцевали под неизменное «Прощай, Голливуд», я сказала:

– Может, для такого поля больше подойдёт «Маленькая танцовщица» Элтона Джона?

– Боже мой, – сказала она, задыхаясь от плясок под Эминема. – Ты как картина Караваджо. Такая банальная, такая скучная. Нельзя танцевать у меня в полях под банальную песню про танцовщицу. Теперь твои предложения!

Ну а сейчас я смотрю, как Лена гладит Сыщика по бокам, успокаивая его перед предстоящим путешествием – мы все сейчас в бегах, пёс, кот, люди. Она шепчет в его большие уши какую-то ласковую собачью чушь. Мне будет не хватать этого зелёного столика для пикника и наших пьяных ночей с песнями и танцами.

Мне больно покидать это место, я боюсь, что никогда не вернусь. Ужасно будет пережить такой стресс. Потерять юридическую лицензию, потерять всё. Подвергнуть Лену такому огромному риску.

– Ты готова? – спрашивает меня Лена, стоя рядом с Сы-

щиком, который спокойно ждёт следующей команды.

– Пойдём.

Через ручей, до которого можно добраться вверх по реке, находится одноместный пешеходный мост – зелёная алюминиевая крыша на столбах, под ней – квадроцикл и снегоход.

– Назад, – говорит Лена Сыщику. Он запрыгивает в каноэ и встаёт сзади. – А ты по центру, – командует она мне. Я сажусь в середину каноэ. По обеим его сторонам должны быть вёсла, и я дважды проверяю, есть ли они там, пока Лена усаживается на переднее сиденье.

Она тянется назад, я передаю ей вёсла, беру свои. Мы гребём в противоположные стороны, пока течение не становится медленным и мы не опускаем весла, чтобы отдохнуть и выдохнуть. Время от времени, в зависимости от смещения каноэ, она гребёт влево, а я вправо, чтобы держать нас в центре течения. Слева от нас святилище Лены, справа – гора Лузан, которая находится в частной собственности.

К счастью, сейчас август, и по обеим сторонам ручья растут деревья, их пышные кроны сливаются над нашими головами, так что мы в лиственном туннеле. Солнце пронзает воду золотыми копьями, усыпая чёрную поверхность янтарными ранами, высвечивая гальку и пескарей на небольшой глубине.

Гора справа от нас – вертикальный лес из сосен, дубов, клёнов, кустов, сухих листьев. С той стороны нет никаких домов. Слева за святилищем Лены на мили простираются

сельскохозяйственные угодья, конные поля и зелень. Все дома на этом отрезке расположены ближе к дороге, так что у нас есть немного времени наедине. Во всяком случае, мы надеемся.

Вдалеке гудит небо, но каждый раз, когда мы мельком смотрим на него сквозь дыру в лиственном пологe, мы ничего не видим.

– Сколько плыть до торговца лошадьми? – спрашиваю я.

– Примерно пятнадцать минут. Нам просто нужно держать каноэ прямо. Но скоро сложный поворот, я уверена, ты его помнишь.

– Сколько до него?

– Добрых пять минут.

– Хочу проверить голосовую почту. Нет смысла продолжать эту игру. Все уже в курсе, что я сейчас с тобой в Западном Массачусетсе, поэтому если они увидят, что я прочитала их сообщения, то ничего страшного. Можно мне пару минут?

– Как там Зэ Эм?

– Выпучил глаза, тычется мордой в пластик. Но не орёт.

– Ему нравится эта переноска.

Я оборачиваюсь и смотрю на Сыщика, и он, как всегда величественный, сидит прямо и неподвижно. Его глаза опущены, но я знаю – он видит всё вокруг, и если нужно, за секунду защитит нас от злоумышленника.

– Сыщик тоже молодец, – говорю я.

– Конечно. Сыщик, ты хороший мальчик! – кричит Лена, дрейфуя вправо. Сыщик тихонько лает в ответ.

Я достаю телефон из заднего кармана и захожу на головную почту, которая не выдаёт ни геолокацию, ни мой анонимный номер, который заблокирован.

Сообщение первое, в пятницу (утром после того, как я украла переписку Ханиуэлла): *Грета, это Тим Котон. Позвоните мне сейчас же.*

Многочисленные другие сообщения: ещё куча от Тима Котона и два от Мориса Коверкота, всё более и более суровым тоном требующие связаться с ними *немедленно*.

Многочисленные другие сообщения, помимо этих: от коллег, спрашивающих совета по тому или другому поводу. Даже одно от Летнего Брэда. Всё это я пролистываю.

Последнее сообщение, сегодня, в воскресенье, час назад: *Грета, привет, это Генри. Я знаю, что сейчас утро субботы и тебя не должно быть на работе, но я подумал, вдруг ты там. Я оставил тебе кучу сообщений и несколько раз писал. Теперь я очень волнуюсь. Слушай, если ты злишься на меня, не хочешь со мной разговаривать, дело твоё. Я понимаю. Но хотя бы напиши мне сообщение, что ты в порядке. Я полагаю, ты уже получила коробку, которую я*

тебе отправил. Может быть, это было слишком долго и теперь она тебе не нужна. Но если ты хочешь поговорить, мне есть что сказать. Надеюсь, ты всё-таки станешь слушать.

– Ух ты, – бормочу я сквозь зубы, не отрываясь от экрана.

– Что такое? – спрашивает Лена.

– Генри. Ну в смысле да, все в фирме выходят из себя и шлют мне жуткие сообщения, полные угроз, чего и следовало ожидать. Но Генри звонил час назад. Он хочет поговорить.

– Вы, моногамы, дарите сердце лишь одному человеку и живёте в постоянном страхе, тогда как любовь повсюду. Но я тебя не осуждаю, ты же знаешь. Каждому своё, Дядюшка.

Лена – полиамор. А я зациклена на Генри, и всё тут.

– Подожди, – прошу я. – Можешь дать мне ещё минуту? Я хочу прослушать одно из рабочих сообщений.

– Давай.

Я прокручиваю назад и нахожу то, которое прислал мне Летний Брэд. Тот самый Летний Брэд, с которым я ни разу не говорила и которого даже ни разу не видела с тех пор, как он показал мне документ № 10. Если честно, я думала, что его летняя стажировка подошла к концу и вряд ли кто-то всерьёз собирался высекать искры из этого камня. Но то, каким сообщением было уверенным, скорее даже не сообщением, а директива в отношении *меня*, тон Летнего Брэда и то, как вни-

мательно он подбирали слова, – вот что меня насторожило. Он казался взрослее и каким-то другим, но это, вне всякого сомнения, был Брэд. Если ему не поступило предложение от «КоКо», то всё это было, мягко говоря, очень странным.

Сообщение от Летнего Брэда, пятница, полдень:
Добрый день, Грета, это Брэд Парданк. Я знаю, что вы в отпуске, я получил ваш ответ о том, что вас нет на работе. Но сегодня мой последний день в фирме. Через две недели начинается моя учёба в Гарварде. Было бы целесообразно встретиться и пообедать вместе, как вы и предлагали, в понедельник, обсудить возможности Бостона. Пожалуйста, свяжитесь со мной по домашнему номеру, он есть в списке Кембриджа. Спасибо.

Я никогда не предлагала никому из летних стажёров со мной обедать и совершенно точно не предлагала такого Брэду. Я никогда не звонила никому из сотрудников на домашний номер, и мне никогда в жизни, вообще никогда в жизни не говорили, что со мной будет «целесообразно встретиться» после того, как я отыщу их номер в списке.

– Лена, это очень неправильно. Я думаю, они заставили летнего помощника затащить меня на обед. Этот Брэд – тот самый парнишка, что нашёл тот самый документ. Это очень странно. Он ...

– Ладно, – перебивает Лена. – Обсудим это позже. Сейчас

мне надо, чтобы ты гребла. Мы приближаемся к повороту, и это трудное место.

Мы вновь начинаем с силой грести. Поворот ещё больше усложняет то, что по берегам растут плакучие ивы, и ветки, свисая в воду, цепляются за каноэ. Лена веслом расталкивает их в стороны, а я изо всех сил стараюсь, чтобы лодка поворачивалась и не кренилась. На этом изгибе течение – самое бурное, такое больше пристало реке, чем ручью, и, конечно же, в эту самую минуту вертолёт возвращается и начинает с жужжанием кружить у нас над головами. От шума, вращения и оттого, что каноэ едва не опрокидывается, Зэ Эм в переноске начинает подскакивать, а Сыщик плотно прижимается ко дну лодки. В клочьях неба над головой я вижу и сам вертолёт. Он завис там, в потустороннем мире. Не думаю, что тот, кто им управляет, нас не видел.

Но зачем он там торчит? Почему?

От тяжести тела Сыщика, распластанного по дну, и оттого, что я тоже слишком сильно заваливаюсь вправо, лодка вот-вот перевернётся. Это может уничтожить флешку в кармане моей рубашки, флешку с единственной копией переписки Ханиуэлла, которая у меня есть. Это может уничтожить айфон моей анонимной подставной компании и телефон Лены. Течение здесь быстрое, поэтому трудно будет удержать животных. И, как ни удивительно это звучит, Лена не умеет плавать.

Кусочек неба шириной в фут показывает нам, что верто-

лёт всё ещё парит над фермерским домом примерно в миле от него. Я надеюсь, что увидеть нас им не удастся, потому что стены, которые деревья образовали по бокам этой крутой излучины, довольно толстые. И тут до меня доходит, что я должна была сделать один звонок. Время для этого звонка имеет решающее значение.

Я кое-как наклоняюсь влево и выравниваю лодку как раз вовремя, чтобы она не упала в воду. Моё сердце подкатывает к горлу, когда мы проходим поворот и оказываемся в широком открытом потоке без навеса над головой. Если вертолёт вернётся, мы окажемся в ловушке.

– Когда мы снова будем под прикрытием деревьев?

– Через полмили. Это самая рискованная часть, – говорит Лена, – то ещё дерьмо. Поэтому я и хотела, чтобы ты скрылась во время бури. Сквозь эту серую жижу тебя не разглядел бы ни дрон, ни спутник. Ты говорила мне, что я спятила, но послушай, мои самые безумные опасения верны.

Мы смотрим на коптер. Он дёргается, но движется вперёд, а не назад.

– Чёрт, это было близко, – говорит Лена. – Сыщик, назад. Медленно, во-от так. – Она вполоборота смотрит ему в глаза. Лодка чуть покачивается, когда Сыщик вновь очень красиво садится сзади, прямо по центру.

– Мне нужно позвонить, – говорю я.

Повторюсь: время для этого звонка имеет решающее значение, и я уже должна была это сделать. Важно отметить,

что, раз я пока ещё могла получить доступ к голосовой почте «КоКо», значит, меня никто не заблокировал. И ни в одном из голосовых сообщений Тима или Мориса, какими бы сердитыми они ни были, ничего не говорилось о моём увольнении. Кроме того, отмечу, что Стелла прилетела сюда в рамках так называемой «программы помощи сотрудникам» – стало быть, с моей стороны будет справедливо предположить, что я по-прежнему числюсь сотрудником «КоКо». Это важно, и вот почему мне необходимо сделать звонок сейчас, прямо в эту секунду. Интересно, почему же они не сообщили мне, что я уволена? Подозреваю, «КоКо» просто хочет сохранить этот вопрос в секрете.

Возможно, они не хотят, чтобы всему миру стало известно, что тайник с архивной перепиской Ханиуэлла плывёт по реке и кто угодно имеет шанс с ним ознакомиться совершенно бесплатно. Может быть поэтому. Но эта пауза не будет длиться вечно, поэтому мне нужно прямо сейчас сделать звонок.

– Давай звони. Только быстро, – говорит Лена.

Я выбираю из списка контактов номер, по которому никогда в жизни бы не подумала, что буду звонить. Бо Лопес, лучший адвокат по гражданским делам в Новой Англии, дал мне этот номер на случай, если он мне когда-нибудь понадобится. Три недели назад я сказала ему, что у меня могут возникнуть проблемы с законом, но не уточнила, какие. Леттиция Рене Райс – больше известная как Эл Рэ – лучший

адвокат по уголовным делам в Новой Англии. Кроме того, она – президент Коллегии адвокатов цветных женщин Бостона. За свои услуги она берёт 1999,99 долларов в час, и я думаю, с целью соответствовать своему коэффициенту выигрыша 99,99 %. Довольно дерзко с её стороны, так что она мне уже нравится.

Я звоню.

– Эл Рэ Райс, – отвечает она после третьего звонка. – Надеюсь, это что-то ужасное, например, бойня серийных убийц, раз вы звоните на мой очень личный номер посреди воскресного бранча. Вы вообще кто? И кого мне благодарить за то, что дал вам этот телефон?

– Миз Райс, я Грета Севилл, подруга Бо Лопеса. Он дал мне ваш номер.

– У вас одна минута. Жгите.

– Я – партнёр и руководитель отдела по электронным раскрытиям, а также заместитель генерального юрисконсульта фирмы «Котон & Коверкот», и мне бы очень хотелось поручить вам защиту от обвинений в том, что внутреннее расследование юристов фирмы, которое я сейчас провожу, не уполномочено должным образом.

– Вам сказали, что это не разрешено?

– Пока нет.

– Вы начали это расследование? И никто не в курсе?

– Да, я его начала. Важно, что, пока я его не закончила, может стать известно, что я скопировала переписку партнёра

с его личного устройства, но никто не в курсе, что я провожу официальное внутреннее расследование.

– Мы говорим о преступности белых воротничков?

– Мы говорим об этом и, возможно, о тяжких преступлениях. – Если честно, я понятия не имею, какие преступления могу доказать с помощью переписки бывшего генерального прокурора Рэймонда Ханиуэлла.

– Хммм. Слушаю.

Я слышу, как она печатает на клавиатуре. Лена оглядывается на меня, я поднимаю палец вверх, прося дать мне ещё немного времени.

– У нас есть около пяти минут, – шепчет она. Я киваю. Река кружит вокруг нас небольшими водоворотами шириной в фут то здесь, то там.

– Продолжайте. Ваша минута почти истекла, – говорит Эл Рэ, не переставая печатать.

– Вы возьмётесь за это дело? И я надеюсь, этот звонок будет восприниматься в рамках адвокатской тайны.

– Разумеется, это конфиденциальный разговор, – говорит она, потому что, конечно, так оно и есть, и она не может никому о нём рассказать. Я спрашиваю совета и, хотя она ещё не согласилась, я имею право на конфиденциальность.

– Если я возьмусь за ваше дело, это будет стоить вам примерно столько же, сколько ваш милый пентхаус в Ньюбери. Я видела его на сайте Зиллоу⁶. Вы же это понимаете, верно?

⁶ Американская компания, занимается риелторскими услугами

– Я понимаю.

– По крайней мере вы в безопасности?

– Я плыву по реке. Я в бегах, прячусь. У них частные ...

– Секьюрити. Я знаю. Я знаю всё о частной службе безопасности «КоКо» и о том, как они умеют запугивать. Как долго вы сможете скрываться?

– Без понятия. Прямо сейчас я направляюсь в конспиративную квартиру недалеко от Бостона.

– Пожалуйста, скажите, что ваш телефон ни к чему не привязан.

– Мой айфон привязан к подставной компании. Он должен быть анонимным.

– До поры до времени, – говорит она. – Они не владеют телефонными компаниями. Но вы знаете, что у них есть связи. Смотрите, – она выдерживает паузу и понижает голос, – вам нужны несколько одноразовых телефонов. Завтра позвоните мне по этому номеру в семь утра, ни минутой раньше или позже. Ночью я всё обдумую. Я пока не знаю, о чём идёт речь в этом расследовании, но я точно знаю, кто партнёры «КоКо». Так что я могу только представить. Сейчас мы не можем говорить об этом. Вы же понимаете, что вам предстоит почти невыполнимая миссия, верно? Ваша позиция слаба, и вам будет трудно выбраться из этой передраги, по крайней мере, не лишившись юридической лицензии.

– Я понимаю. Я знаю, что это невозможно.

– Почти невозможно, я сказала – почти. Я никогда не про-

игрываю.

– Так вы возьмётесь за это дело?

– Завтра к семи утра я решу. Если да, то я скажу, куда перевести гонорар в размере пятидесяти тысяч долларов, что, моя дорогая, ничтожно мало по сравнению с вашим общим счетом. И позвольте мне очень конкретно кое-что прояснить. Вы должны будете выполнять всё, до последней чёртовой мелочи, что я скажу. Это ясно?

– Да. Конечно.

– Всё. Что я советую, я советую лишь потому, что это пойдёт на пользу делу. Если я скажу, что нужно прогуляться до Вермонта и принести мне порцию «Бен энд Джерри» с ванилью и брауни, вы надеваете спортивную обувь, находите чёртов сухой лёд и холодильник и идёте ко мне пешком.

– Ясно.

– А теперь выбирайтесь из реки, из которой вы, как я слышала, выбираетесь, и я не буду думать о том, что это, чёрт возьми, значит. В следующий раз называйте меня Эл Рэ, потому что миз Райс меня называет адвокат другой стороны. Ответ вы получите завтра.

Я слышу гудки.

Лена ведёт каноэ к берегу и торговцу лошадьми.

Глава девятая

Мы подходим к задней стороне большого здания. Это алюминиевый купол, какой можно увидеть на деревенской ярмарке, где проводятся конные шоу. После того, как мы высадились – человек, кот, человек, пёс – и привязали каноз Лены к дереву, мы подходим к зданию и спинами прижимаемся к стене. Вид, который нам открывается – длинный ряд деревьев вдоль ручья и вертикальная гора позади. Полдень, небо ярко-синее, и у нас нет укрытия над головой, кроме косой тени, отбрасываемой от крыши здания. Сыщик стоит боком передо мной и Леной, как будто он крепостной ров, а мы средневековый замок.

Лена отправила сообщение, уже когда мы сошли на берег, так что теперь мы ждём. Много времени это занять не должно. Вскоре слышится хруст сапог по белым камням возле здания, кашель, а вслед за ним мужской голос:

– Лена, заходи. Всё чисто.

Сыщик виляет хвостом. И прежде чем мы успеваем выйти из-под косой тени, к нам подходит крупный мужчина, явно средиземноморских кровей. Его глаза – коричневые шары с зелёными вкраплениями. Он сразу же ошеломляет и сразу же подавляет, учитывая его размер. Мы поднимаем глаза, чтобы встретиться с ним взглядом.

Сыщик подходит к нему, и мужчина вынимает из кармана

что-то вкусное.

– Хороший мальчик, – произносит он.

– Грета, это Паркол, торговец лошадьми. Но все зовут его Парк.

Он смеётся.

– Лена, ты меня когда-нибудь с ума сведёшь этим торговцем лошадьми. Приятно познакомиться, – говорит он мне. Я пожимаю ему руку. – Кажется, ваш график ускорился, да? – спрашивает Парк. – Это как-то связано с вертолётom, который сегодня утром нарушил мой покой?

– Конечно, – говорит Лена.

– Я думал, мне придётся принять одного человека. А теперь и тебя? – спрашивает он Лену.

– Всё изменилось, – отвечает Лена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.